

Екатерина Дей

**Я
однажды
приду...**

Часть III

Екатерина Дей

Я однажды приду... Часть III

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33831894

ISBN 9785449089250

Аннотация

«... Это командор войны, не управления, не командования, а войны, в которой кровь и смерть. Поэтому я для него цветок среди голого, утоптанного войсками поля, сбережённый и смертями солдат оплаченный цветок. Бесценный, единственный и неповторимый...»

Я однажды приду...

Часть III

Екатерина Дей

© Екатерина Дей, 2018

ISBN 978-5-4490-8925-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Мы приехали домой, и Глеб сразу перенёс меня в спальню, помог снять шубу и спросил:

– Устала?

– Да, но хочу в бассейн, хочется смыть всё.

– Смыть бал?

– Бал был великолепен, хочу смыть взгляды, слова.

– Уже почти утро.

– Значит, встречу утро правильно – в воде.

– Ты рыба.

– Сухопутная.

Глеб с трудом дождался, пока я переодевалась в купальник, даже халат не позволил надеть, сразу подхватил и перенёс в бассейн. Я плавала, а Глеб сидел на скамеечке и улы-

бался, курил непонятно какую по счету сигарету, видимо, за все время бала.

– Ты уже отмокла, вылезай.

А я совсем взбодрилась от воды и пыталась достать до дна бассейна.

– Глеб, а здесь сколько метров?

– Меньше, чем в замке, вылезай.

– Вот достану до дна... Глеб, это произвол! Верни в воду!

А то... я не знаю, что сделаю! Смокинг не жалко?

Он не стал дожидаться, одним движением крупной рыбы прыгнул в бассейн, поднырнул под меня и со мной на руках выскочил из воды. Фыркала водой и возмущалась я уже на суше, Глеб только улыбался и прижимал меня к себе. Поцелуй остановил поток возмущения, и мои руки сами уже обнимали его за шею, и тело прижималось к этому самому мокрому смокингу. Неожиданно Глеб остановился и, посмотрев мне в глаза, спокойно заявил:

– Хватит купаться, тебе пора отдыхать.

Мгновение, и я уже лежала на кровати в мокром купальнике. Глеб чмокнул меня в щёку, погладил по голове и прошептал:

– Спи, моя любимая.

И исчез. Что это было? Измором будет брать? Ждать, когда я сама за ним в голом виде по дому буду бегать? Вот нахал, командор, подумаешь – муж, ещё посмотрим, кто за кем бегать будет. Купил какое-то розовое безобразие и счаст-

лив, вот и жди сто лет, когда я его надену! Хотя, мне столько не прожить, даже если проживу, товарный вид уже будет не для примерки этого чуда, только для холщёвой рубахи. Я сердито стянула с себя мокрый купальник, закинула его подальше и улеглась, как была, во всей своей обнажённой красоте. Долго кипела, но усталость взяла свое и я уснула.

Мягкие пальцы касались моего лица, потом опустились к шее, прошли по подбородку, едва задели губы, и снова вернулись к шее. Касания становились всё смелее, но последовал тяжёлый вздох, послышалось шевеление, и пальцы исчезли. Я осторожно открыла один глаз и увидела, что Глеб закрыл глаза и закусил губу. Какое-то время я любовалась зрелищем борьбы с собой, особенно заведёнными под мышки руками, потом сладко потянулась и обняла Глеба. Борьба была проиграна.

Мужчина всегда чувствует состояние женщины, я это думала уже однажды – когда Глеб меня обтирал полотенцем перед свадьбой. Сейчас, когда все чувства восстановились, и наши тела уже стремятся друг к другу, эта мысль вернулась ко мне. Так чувствовать женщину, её желания, совсем неосознанные, только едва проявляющиеся в какой-то частичке тела, может только тот мужчина, для которого эта женщина является олицетворением его жизни. Это не просто обладание телом женщины, её разумом, это единение, физическое и духовное. Глеб познавал моё тело и стремился отдаться ему, впитать его, ощутить все прикосновения и при этом от-

дать ему самого себя. Страсть бушевала в нём, но она не сжигала меня, а наполняла энергией, каждый поцелуй, каждое прикосновение были наполнены такой любовью, что я в своей страсти принимала эту энергию и отдавала свою. Губы, руки, всё его тело стремилось ко мне, но не подавляло меня, а каждым своим движением делилось собой, отдавало всего себя. Наши пылающие тела превратились в один кокон энергии, которая объединила нас в единое нераздельное счастье любви.

– Я люблю тебя.

Вся в истоме и неге говорить я не могла, растеклась по большому телу Глеба и лишь кивнула головой. Он обнимал меня руками и ногами, казалось, что я продолжаю лежать в коконе его энергии, тёплой и очень уютной.

– Ты моё счастье.

Я опять кивнула и удобнее устроилась на его груди.

– Самая любимая, самая прекрасная, самая удивительная женщина.

И тут я подняла голову и посмотрела в эти синие-синие, лучистые от счастья глаза и решила уточнить один вопрос, я же удивительная, вот и будем удивлять:

– А почему ты уже был раздет? Я понятно – мокрый кулак, и всё такое, а ты, ты что, так и пришёл ко мне...

Глеб лишь улыбнулся, но взгляд стал таким, таким мужским, что я решила вернуться головой ему на грудь. И что мне с собой делать, кто же такие вопросы мужу в постели

задаёт?! Но предаться самобичеванию Глеб мне не дал, ответил совершенно честно:

– Одежда под кроватью.

– Значит, ты решил...

Решил – что? Вот как я его могу спросить, как мужа, между прочим, что он решил всё-таки добиться меня, пробиться сквозь моё сопротивление непонятно почему.

– Решил. Как увидел тебя спящую, так и решил.

Ну да, а сам руки удерживал, ждал, вдруг сама решу. Интересно, а если бы я визжать начала и махать руками, ужас – муж голый в кровати лежит? Испугался и убежал? Я хитро на него посмотрела и опять спряталась на груди.

– Это я тебя совратила.

Глеб хохотал так, что я чуть не упала с него, хорошо, что он обнимал меня руками и ногами. Продолжая смеяться, он приподнял меня и чмокнул в нос, потом снова уложил на себя, крепко обнял.

– Катя, любимая моя жена, ты удивительная женщина.

– А что, разве не так? Я первой призналась тебе в любви, так? Так. Если бы я не обняла тебя, то что? Ты так и лежал бы, ждал, когда я проснусь. А вдруг я начала бы возмущаться – что это ты надумал? Ты сразу бы сбежал, не решился.

– Решился. Я ещё на балу решился.

– Как это? Почему на балу?

Глеб долго молчал, прежде чем ответить, гладил меня

по спине, обнимал, даже вздохнул пару раз.

– Я не смогу без тебя жить, без твоих глаз, твоих губ, твоего тела, твоего характера, сердца. Я слушал Нору и думал о тебе. Когда-то ты сказала, что короткая человеческая жизнь заставляет ценить каждую минуту, каждый миг этой жизни... и я решил ценить.

Уложил меня рядом с собой и стал целовать моё тело, не пропуская ни одного сантиметра, и от этих нежных касаний моя кожа оживала, не вздрагивала, а как та роза расцветала. Невероятное ощущение отдельного существования собственного тела, мозг отключился, осталось только чувство неги и счастья. Блаженство наполняло моё тело, казалось, в каждой клеточке в месте поцелуя рождался маленький вихрь, и энергия волной расходилась по всей коже, уходила внутрь, добиралась до самых глубин, встречалась с другими волнами от следующих поцелуев и так бесконечно, вихрь за вихрем.

Наверное, я уже превратилась в нейтрино и сейчас летаю где-то в космосе, абсолютное ощущение отсутствия тела, полная невесомость. И в этой невесомости прозвучал тихий голос:

– Любимая моя, Катенька, невероятное моё счастье.

Я вздохнула, и воздух образовал легкие, потом постепенно проявилось всё тело, очень лёгкое, почти воздушное, но уже настоящее, с руками и ногами. Пошевелила пальцами, действуют, потом открыла глаза и увидела синие улыба-

ющиеся озера.

– Я жива?

Глеб улыбнулся счастливо, нежно поцеловал, чувствую поцелуй, значит, жива. Оказалось, что он обнимает меня, обхватив всю, закрыв меня всем своим гигантским телом, как бы обволакивал собой. Я опять вздохнула, поудобнее устроилась и уснула.

Проснулась от голода, есть хотелось ужасно. Глеб продолжал меня обнимать, мягко поглаживая по спине.

– Ты так и лежал всё время, пока я спала?

– Пользовался моментом и смотрел на тебя.

– Ужас, я совсем страшная, да?

– Ты очень красивая во сне, такая спокойная. Я любовался тобой.

– Если меня не накормить, срочно, очень срочно, то я буду уже не такая красивая.

– Значит, будем кормить.

Но срочно кормить меня не получилось. В бассейн Глеб меня не пустил, отнёс в ванную, где сам помыл, чуть не утопив от старательности, поцелуев и ласки. Потом я долго решала, что мне надеть, а Глеб только кривил губы и делал лицо, не одобряя мой выбор, ему что – он свои джинсы и футболку надел мгновенно – пока я не выдержала и не спросила, что же он хочет видеть на мне. А он протянул мне розовое безобразие!

– Глеб, я же в этом не могу пойти в столовую, там мы бу-

дем не одни, это совсем неприлично, в этом я голая!

– Для этого и куплено.

Логика совершенно мужская, поэтому непробиваемая, бороться оказалось невозможно, султан какой-то. Я гордо напялила это ...это... на себя и заявила, что если в этом меня кто-нибудь увидит, то я запрусь в комнате, и больше никто ко мне не войдёт, он в том числе. Глеб кивнул, достал пульт и нажал кнопку.

– Теперь точно никто не войдёт.

Ах, так, я надулась и прошествовала к кровати, но улечься не успела, Глеб со смехом подхватил меня на руки.

– В столовой никого не будет.

Я сидела на его коленях и поела всё подряд. В столовой действительно никого не было, когда мы пришли, еда уже стояла на столе, а остальных обитателей дома Глеб видимо просто разогнал различными поручениями или дал выходной. Придвигая к себе очередную тарелку с едой, я спросила:

– А как это получилось, что еда уже на столе, а я даже слово сезам не сказала?

– На этом маленьком аппарате много кнопок.

Космос в кармане, молодец Андрюша, всем обеспечивает командора, даже тем, чего ещё в мире не существует. Глеб поглаживал меня по разным частям тела, я дергалась, пиналась, роняла вилки, даже чуть чашку с чаем не уронила, ему самому пришлось её ловить.

– Глеб, держи руки под контролем, вот подавлюсь, при-

дётся Самуила вызывать, очередной раз меня спасать.

Шутливая угроза возымела неожиданное действие: Глеб мгновенно пересадил меня на стул и отошёл от стола, даже побледнел. Ясно как можно организовать спокойное поедание – только шантажом.

Лучше бы я этого не говорила, Глеб сразу решил меня безречь. Он отнёс меня в комнату, уложил на кровать, чмокнул в нос и заявил:

– Отдыхай, тебе нужно много отдыхать, сейчас ночь...

– Время любви.

Он стоял у кровати и явно боролся с собой. Эта борьба вихрем пронеслась в глазах, волной по лицу, от умильного выражения до жёсткого решения, и руках, заведённых от греха подальше за спину. Я решила помочь ему в этой борьбе, ну, чтобы уже не сомневался в моей удивительности. Посмотрев на него совершенно невинным взором, я спросила:

– Ты будешь любить меня по расписанию? Его Самуил будет утверждать? Подвешивать проводки и...

Женщина явление в природе уникальное, она создана для любви, нежности и ласки. Перешагнув рубеж в отношениях, она становится той, которую создаёт мужчина своей любовью. Глеб создавал меня как женщину своим терпением, пониманием, внутренним обожанием, вот я и сказала о себе то слово, которого всегда избегала, не считала возможным употребить его по отношению к себе. Он долго молчал о сво-

ей любви, загонял её глубоко внутрь, не позволял себе даже думать о возможности нашей чувственной любви. И сейчас, когда наши тела сплетаются в страсти, физическое обладание друг другом для нас уже не только наслаждение тела – для нас это ощущение жизни, единой, той, о которой мы даже боялись мечтать.

Я опять устроилась на нем, и осознание того, что это гигантское тело, сильное, очень красивое, млеет от прикосновения моей мягкости, доставляло дополнительное удовольствие.

– Я люблю тебя, счастье моё, красавица моя, удивительная моя.

– Ещё я какая?

– Великолепная, я люблю в тебе всё, всё, у тебя такая улыбка, она поражает, ты улыбнешься, и мир расцветает.

– Ты говори, говори. Я должна знать, какая я замечательная. Вот тебе же я уже говорила, что ты удивительный, терпеливый, умный, замечательный, красавец, сильный, настоящий командор. И как ты меня терпишь, такую неправильную?

– Почему неправильную?

– Вот у тебя всё всегда продумано и подготовлено, всё заранее, я ещё только начинаю о чем-то думать – а у тебя уже всё готово.

Глеб задумался на секунду, подтянул меня к своему лицу и очень серьёзно ответил:

– Но я твой муж, я отвечаю за тебя и твою жизнь, за всё в твоей жизни.

– Перед кем отвечаешь?

Над этим вопросом он не думал ни секунды:

– Перед тобой и собой.

Он сказал это так, что стало ясно, никто и ничто не имеет никакого значения – только я и он. Глеб может заниматься разными командорскими делами, но они несравнимы со мной, моими и его желаниями. Даже если он против каких-то моих, скажем откровенно, не совсем правильных поступков, то это именно потому, что он меня же и защищает от чего-то, чего я не понимаю, или не хочу понимать. Я взяла его лицо в руки и поцеловала опухшими губами.

– Я люблю тебя, ты самый, даже не знаю, какой самый.

И всё повторилось: Глеб уложил меня рядом с собой и целовал моё тело, миллиметр за миллиметром, моя кожа радовалась его прикосновениям, и сколько бы я не пыталась держаться, сознание покинуло меня, и я разлетелась по космосу в вихрях наслаждения.

Я проснулась уже давно, но продолжала лежать. Тело отдохнуло, однако нега удерживала его, переворачивала с одного бока на другой бок, не давая возможности подняться. Глеб уже два раза заходил ко мне, проверял – вдруг корни выросли, отдирать от кровати придётся, так и сказал, целовал меня, героически удерживая себя, чтобы не устроиться рядом и уходил по своим командорским делам.

Мне нужно научиться правильно думать. Нельзя позволять себе никаких сомнений. Никаких страхов. Меня любит самый красивый в мире мужчина. Самый сильный, самый мудрый, терпеливый и много ещё чего самого. Женщину можно обмануть только тогда, когда она сама хочет обмануться. Её можно обмануть головой, то есть словами, даже можно обмануть глазами, ну, если это человек. Обмануть телом нельзя, оно само говорит и само чувствует, без участия головы. Любовь или нелюбовь в каждом прикосновении губ, рук, всего тела. Глеб меня любит, так телом обмануть невозможно, особенно таким как он, у которых глаза сразу выдают мысли и чувства. Его тело стремилось ко мне каждой клеточкой, на все мои прикосновения его кожа реагировала жаром – тем внутренним огнем, который или есть, или его нет, его никак не придумать и не изобразить. Он сдерживался в своей страсти, боялся причинить мне боль, страх от моих прошлых страданий оставил на нём отпечаток даже больший, чем на мне. Глеб чувствовал моё тело, он его слушал, ощущал и стремился доставить удовольствие, его больше волновала я в своей страсти, чем он сам. Мне показалось, что лишь когда он целовал моё тело, миллиметр за миллиметром, в нём что-то происходило: улыбка не сходила с лица, глаза светились и он был по-настоящему счастлив. А это моё лежание на нём? Удивительно, но всё его тело млело, как-то тепло касалось меня, как бы впитывало меня, всю мою растёкшуюся мягкость. Так, о мягкости думать не буду, я

должна думать правильно: раз ему нравится, значит, лучшая в мире мягкость. О розовой тряпочке тоже думать не буду, ужас, в этом самой с собой неудобно находиться, а уж при нём, а ведь доволен, просто счастлив был в столовой! А что себе там позволял! И чему удивляюсь, муж, только что любил меня на нашей – что я думаю! – постели, а я возмущена лукавством рук.

– Катя, любимая моя, Самуил уже предельно возмущён твоим отсутствием.

Глеб стоял у кровати и улыбался, я в своих размышлениях не заметила, как он вошёл.

– Предельно, это как?

– Требует тебя на полный осмотр.

– Ни за что!

– Тогда одевайся и обедать. Явись перед ним как солнце.

А я вдруг покраснела, даже под одеяло спряталась от смущения. Глеб осторожно отвёл одеяло от моего лица и спросил встревожено:

– Что с тобой?

Но я только мотала головой и не могла ничего сказать. Как ему объяснить, что я стала другой после этой ночи, настоящей его женой, и все это поймут. Я так долго находилась среди них всех одна женщина, и непонятно какая фиктивная жена Глеба, что, когда стала настоящей, не знаю, как себя с ними вести. Глеб внимательно смотрел на меня и понял мои страхи:

– Ты вечно будешь прятаться? Тебе сюда принести еду?

И я поняла, чего боюсь. Это страх что за нас не порадуются, за нашу любовь. Почему я всегда жду осуждения? Никто и никогда в этом доме меня ни разу не осудил, не пристыдил за мой поступок, даже самый, даже не знаю, их было столько разных. Они меня столько раз спасали, верны были всегда, почему же я в них засомневалась? Только потому, что они все – мужчины? А если толпа завистливых женщин?

Глеб не двинулся с места, внимательно наблюдал за моими умозаключениями, ждал моего решения.

– Глеб, я глупая дурочка?

– Ты настоящая женщина, моя любимая и единственная. Жена.

– Жена.

Я лихорадочно вздохнула, взъерошила ему волосы и заявила:

– Сначала бассейн.

– Тогда уже не обед, тогда ужин.

Самуил не выдержал, явился в бассейн, полный возмущения.

– Катенька, так нельзя, я уже не знаю, что думать, ты понимаешь, что болела недавно, тебе нельзя так к своему организму относиться, ты должна есть правильно, по часам, по режиму. Глеб, я требую засыпать бассейн, Катя, ты не рыба! Сколько можно в воде мокнуть, немедленно вылезай и иди в столовую, будешь обедать и ужинать!

Милый Самуил, он сразу рассеял все мои страхи и сомнения. Глеб только улыбался и смотрел на меня влюблёнными глазами, странно, но ему доставляло удовольствие это моё стеснение, он его понимал и почему-то радовался.

В столовой Виктор с Олегом дружно над чем-то негромко смеялись, устроившись на диване.

– Катя, как я рад тебя видеть в полном здравии, Самуил уже собирался нас с Олегом лечить, а теперь ты явилась, и мы спасены.

– Катя, здравствуй.

Олег мне улыбнулся, а Виктор сразу подскочил и театрально обратился к Самуилу, только успевшему воткнуть вилкой в котлету:

– Самуил, ты несёшь полную ответственность за мою испорченную жизнь!

Тот даже подскочил на стуле, котлета едва не ускакала с тарелки.

– Глеб, если я погибну во цвете лет, то виноват будет он!

И указал пальцем на Самуила. Глеб только усмехнулся и хитро взглянул на меня, а я смотрела на него и радовалась – он прав, а я опять хотела спрятаться за свой страх непонятно чего. Как я могла в них сомневаться, в их радости за нас, в их искреннем желании помочь нам в нашей любви.

– Катя, ты её видела, мегеру эту, эту... она же выше меня, она же... ужас! Она заявила, что выходит за меня замуж, даже не спросила, хочу ли я на ней жениться? Говорит, объ-

единим капиталы, и сразу целоваться, сама о капиталах и туда же – целоваться. Самуил, это ты ей наговорил обо мне, наобещал ей золотые горы?

Самуил уже пришёл в себя и очень спокойно ответил:

– Она только спросила, насколько ты финансово обеспечен при такой внешности, я и сказал – достаточно.

Олег расхохотался, Глеб тоже не выдержал и рассмеялся, а Виктор чуть не лопнул от возмущения.

– Катя, там такие девочки были, ты видела, а он эту мегеру мне подсунул, еле ушел, скрываться пришлось, подвалами уходил.

Смеялись уже все, да и Виктор улыбался, Самуил был собой очень горд – смог организовать месть Виктору. Когда Виктор вернулся на диван, я спросила:

– А где Андрей? Они так с Леей красиво выступали, пели изумительно, настоящее представление.

Глеб странно на меня посмотрел, задумчиво, но ответил:

– Андрей с Леей к Элеоноре поехали, там Олаф набирает себе в школу мутантов, Лея их смотрит.

Потом улыбнулся, чуть кивнул головой и продолжил:

– Андрей её сопровождает.

Олег сделал лицо, ну, вроде так и должно быть, что Андрей Лею в дороге сопровождает, что странного – подумаешь, боевик ближнего круга командора обычного мутанта охраняет. Виктор тоже кивнул, всё правильно, так у них и бывает иногда, даже плечами пожал. А Самуил радост-

но улыбнулся, сразу видно, по-человечески счастлив за них. Это мои прошлые страхи, я смотрела на всех и понимала, они рады за нас с Глебом, что мы настоящие муж и жена, у них такого никогда не было, чтобы кто-то из них был так счастлив, у них на самом деле надежда появилась. Только мне в живых остаться надо, иначе не поверят сами себе, сразу решат, что закон всё равно работает, всё равно убивает. Я так задумалась, что не услышала вопроса Самуила, и Глеб мгновенно оказался рядом со мной.

– Катя, о чём ты думаешь, что с тобой?

Я подняла глаза и увидела тревожные лица, они сразу напряглись – состояние моего хрупкого тела, зависимого от всего на свете, по сравнению с их телами, наполненными мощью и способностью восстанавливаться, волновало значительно больше меня самой.

– Какие вы все у меня хорошие, просто замечательные. Я так счастлива быть рядом с вами.

Посмотрела каждому в глаза и улыбнулась, чем привела их в состояние, близкое к шоковому. Самуил сразу напугался:

– Катенька, девочка моя, что случилось? Боюсь спросить, что ты такого надумала опять, милая моя, что ты подумала, скажи мне.

– Самуил, ты представляешь, именно это я и подумала, дословно.

Но мне никто не поверил, вот довела сверхчеловеков, уже

мыслей моих бояться. Хотя, они на самом деле правы, теперь самое страшное – это мои мысли, думать надо правильно. Я опять всем улыбнулась и уверенно заявила:

– Вы самые лучшие друзья, самые, у нас всё получится, с вами у меня всё получится.

И они поняли, о чём я говорю, замерли, не ожидали от меня сейчас таких мыслей и таких слов. Глеб побледнел до синевы, глаза потемнели, но я ему тоже улыбнулась:

– Глеб, ты же меня знаешь, я всё пройду ради нас, нас всех, огонь и воду уже прошла, а медные трубы мне не страшны, я их даже не слышу.

– Какие медные трубы, это что такое, почему ты их не слышишь?

И я засмеялась, они же не знают этого выражения, которое, между прочим, всё объясняет в жизни – как громко ты слышишь медные трубы, и насколько они тебе все остальные звуки забивают. Отсмеявшись, я задумалась, а как мне им объяснить значение медных труб, чтобы правильно поняли. Всё на свои места поставил Олег, он больше всех читает и язык знает лучше остальных, с двусмысленностями:

– Медные трубы своим звуком привлекают тех, для кого золото, власть, деньги, лесть, красота означают самое главное в жизни, они под звуки этих труб готовы на всё. А Катя этот звук не слышит. Она драгоценности из-за веса носить не хочет, в то, что самая красивая не верит, даже когда в зеркало смотрится, за лесть так ответит, что лучше бы и не го-

ворили, счета и дома свои даже не знает. А то, что она жена командора вспоминает, только если кого защитить надо или на место поставить. Катя, кстати, сколько у тебя шуб?

Я уже открыла рот, чтобы сразу сказать, но поняла, что ведь не знаю, не помню, вздохнула, но ничего остроумного не придумала и лишь пожала плечами. Хохот потряс весь дом, только Глеб не смеялся, продолжал смотреть на меня тревожным взглядом. Олег отсмеялся со всеми и продолжил:

– Ты свою шубку из машины выкинула, не задумываясь, только чтобы в машине кровью не пахло, чтобы Глебу легче было. Какая женщина просто об этом подумает – не истерику закатывать, а думать о другом, так можешь только ты.

– Катя, вот у мегеры этой, которую мне Самуил подсунул, точно только медные трубы в голове и звучат, ничего не слышит, только деньги и деньги. Ну, ещё моя красота.

Виктор скромно провёл ладонью по своим шикарным волосам и сделал такое лицо, что снова все засмеялись, даже Глеб улыбнулся. А Самуил подошёл ко мне и, прижав руки к груди, проникновенно проговорил:

– Катенька, милая моя девочка, мы столько всего уже вместе прошли, ты не переживай, девочка моя, мы всегда с тобой, ты наше счастье, конечно Глеба, но и наше, моё тоже, я ведь теперь как в семье живу, посмотрю на вас и радуюсь, такие молодые и счастливые! Андрюша, вот, счастье своё нашёл, Лея такая девочка хорошая, послушная такая, всё делает и песни красиво поёт, так красиво! Мы ещё Виктора

с Олегом женим...

– Да я тебе раньше мегеру найду, весь мир обойду, но самую мегеристую мегеру найду! Олег, не доверяй ему, он тебе найдёт, мы лучше Катю попросим сосватать, она добрая, она правильную жену подыщет, добрую. И на деньгах сэкономим.

Олег смог только кивнуть, от смеха даже лицо руками закрыл, а Самуил обиделся, махнул в сторону Виктора ладошкой – теперь тот ещё сто лет будет вспоминать случай на балу. Я встала и обняла Самуила.

– Не обижайся на Виктора, он тебе так говорит потому, что ты на его девочек внимания не обращал, все с их мамочками разговаривал, да с бабушками, вот он и обиделся. Он же их для тебя и приглашал.

Всё, что угодно, но только не этих слов от меня ожидали – Самуил так и остался стоять с открытым ртом, Глеб хохотал, Виктор как рыба не мог воздуха набрать, а Олег даже приклонился к его плечу от смеха. Довольная я подошла к Глебу, обняла его, он качал головой и продолжал смеяться.

– Катя, ты удивляешь меня каждый момент, теперь тебе придётся подыскивать им обоим жён.

– А что, поможем, только ведь они могут оказаться такими как я, или круче характером, что делать будете?

– Катя, мы их к тебе будем посылать на перевоспитание, ты уже знаешь, как с нами обращаться, всё им и объяснишь.

– Нет, Олег, это уже сами, я им только могу сказать, что

вы самые лучшие на свете мужчины и друзья.

Глеб прижал меня к себе и чмокнул в макушку, напоминая, что вообще-то он самый лучший на свете мужчина. Я улыбнулась ему, конечно, для меня – только он. Мы пытались определить какими должны быть эти самые жёны у Виктора и Олега, но Олег очень быстро перевёл стрелки на Самуила, и тому пришлось бежать. Глеб решительно заявил, что заявки на жён он примет только с моего согласия, подхватил меня и перенёс в спальню, я только успела ручкой помахать.

Мы долго стояли у окна и обнимались. Глеб молчал, какие-то тревожные мысли беспокоили его, я не выдержала и спросила:

– Что-то случилось? О чем ты так думаешь?

Не ответив, он подхватил меня на руки и уложил на кровать, долго целовал, но я чувствовала, что мысли не отпускали его. Я приложила палец к его губам, не буду целоваться, пока не ответишь. Наконец, он закрыл глаза и тяжело вздохнул.

– Глеб, скажи мне.

– Сельма сказала неправду – все закончилось.

– Ты так не думаешь, я знаю.

Он открыл глаза, совершенно чёрные, и я улыбнулась.

– Глеб, я сейчас так счастлива, так счастлива, не могу даже сказать, как счастлива, давай не будем ни о чём думать.

Какое удовольствие, когда тебя раздевает любимый муж-

чина. Глеб не торопился, двигался очень медленно, поглаживал те места, которые уже обнажились, целовал, а я смотрела на него и счастливо улыбалась, потом начала хихикать и изображать недотрогу, и началась игра влюбленных – возня и шутливая борьба, ага, это с ним борьба, он конечно старался поддаваться, но получалось не очень. Как он держит свою силу, эту невероятную мощь, от которой меня может сдуть как былинку, такие нежные и мягкие движения, хотя страсть уже бушевала в нём и глаза синели невероятным цветом. Он смотрел на меня не отрывая глаз, ласкал и смотрел, любил и смотрел, целовал и смотрел, каждое мгновение запоминал. И опять целовал всё моё тело, счастливо улыбался и впитывал негу, расслабленность, физическое блаженство любимого женского тела. А я не могла шевельнуться, всё тело вихрилось и несло в ярком космосе невероятных ощущений от этих поцелуев.

– Любимая моя, единственная, Катенька, любовь моя.

Моих сил хватило на кивок, вихри ещё носились во мне, и я не совсем пришла в себя. Хорошо, что в моей голове не может остановиться ни одна мысль, ни одно сомнение в действительности происходящего. Это я, на самом деле я, и это Глеб, тот самый Глеб, о любви которого я даже мечтать не могла.

– Свет мой, неповторимый, яркий, зовущий, настоящий, солнышко моё.

Солнышко, Глеб меня уже так называл. Перед огненным

лабиринтом. Я подняла на него глаза, и поняла – он тоже вспомнил, побледнел сразу и напрягся всем телом. Я потянулась к нему и обняла.

– Ты моя жизнь, моя любовь, мы всё пройдем, у нас всё получится.

– Катя, ты только живи, молю тебя, только живи!

Глеб прижал меня к себе так лихорадочно, что я ощутила его страх, впервые за всё время он не сдержался и этот страх проявился так сильно.

– Я люблю тебя, и мы всё преодолеем, мы победим. Верь мне.

2

Глеб запретил мне встречаться с Аароном. Я целый день удивлялась, возмущалась, уговаривала, дулась, отворачивалась от поцелуев, махалась руками и кидалась чашками – ничего не помогло. Он слушал меня, кивал головой, ловил чашки и говорил нет.

– Глеб, я тебя не понимаю, почему? Пусть нет, но объясни мне, почему нет. Он ведь всего лишь хочет поговорить со мной о Норе. О Норе! Не обо мне, не о нас с тобой, он будет говорить о Норе! И я буду с тобой! Можно всех с собой позвать, или пригласить его к нам, сядете кругом, можно через стекло говорить. Олафа позовём, он его энергией будет бить!

Я набрала воздух, чтобы продолжить монолог, а Глеб спокойно сказал:

– Нет.

И что? Никаких объяснений, просто нет. Вот, что случилось? Аарон ему позвонил, ему самому, спросил разрешения, честно попросил всего лишь со мной поговорить о Норе, а Глеб ему сразу отказал. Заявил мне утром между поцелуями:

– Звонил Аарон, просил разрешения встретиться с тобой, поговорить о Норе, я ответил отказом.

И всё, никаких объяснений. Командор, сидит, смотрит синими озерами, иногда даже смеет улыбаться, это когда чашки ловит. После завтрака я гордо удалилась в бассейн, он последовал за мной, сидел на лавочке и смотрел на меня. Из вредности я плавала долго, даже цветами кидалась, он их ловил и складывал рядом, потом вручил букетом и опять сказал нет. И так весь день: ходил за мной везде, я даже библиотеку нашла, долго стояла и рассматривала зарисовку старого Неаполя с ним на улочке, но ничего не сказала, он тоже промолчал. В доме больше никто не проявлялся весь день, разбежались по углам, чтобы не попасть под горячую руку – мою.

Весь обед я молчала, только однажды подняла на него глаза, и он сразу сказал:

– Нет, и не проси.

Я только плечами пожала, и не хотела даже. Только

за ужином опять заговорила и получила чёткий ответ. Хорошо, нет, так нет. С гордым видом ушла к себе в комнату. И Глеб за мной не пошёл.

Я сидела на полу и смотрела на беседку, ветра не было, только мелкий дождь тихонько плакал за окном, столько дождя, целое море, беседка стояла мокрая и несчастная, совсем одинокая. Глеб вошёл и сел рядом со мной.

– Дождь плачет.

– Плачет.

– Ты меня любишь?

– Люблю.

– Воспитываешь?

– Кого?

– Меня, как командор, или как муж, или вообще.

Глеб развернул меня к себе и удивлённо посмотрел.

– Почему?

– Потому что нет.

Он задумался, в задумчивости не заметил – сделал вид, что не заметил – как обнял меня. Произнёс:

– Нет, не воспитываю. Я так решил.

– А почему не хочешь мне объяснить своё решение? Мне. Я твоя жена, не боец, или как там, боевик, или ещё кто твой... этот... ещё кто-то.

– Ты так сердишься удивительно, красиво очень.

– Что? Ты специально меня сердил? Чтобы на меня посмотреть?

– Нет, не специально, тебя воспитать, переделать невозможно. Но очень красиво сердишься.

Подумал немного, я от возмущения даже не могла ничего сказать, и добавил:

– Ты несерьёзно сердилась, я знаю, когда ты бываешь совсем сердита, это опасно.

– Опасно?!

Наконец, я обрела дар речи и стукнула его по груди – я тебе сейчас покажу настоящую опасность, только кулаку больно по его груди бить. И что вот с таким мужем делать? Видите ли, ему нравится смотреть, как я сержусь, несерьёзно, видите ли, он точно знает, когда опасно. Но я сразу развеселилась, позволила себя поцеловать, а причину отказа я завтра выясню, не терять же из-за этого ночь любви. Глеб сразу почувствовал моё настроение, он ведь мысли прочитать не может, только язык тела ощутил и правильно понял.

Как сладко мириться после маленького недоразумения, снова ощутить губы, руки, жаркое тело и радость от любви и единения, бури энергии в наших телах. И поцелуи по всему телу, и вихри, и счастье тела и души.

– Я люблю тебя, милая моя, я с тобой, всегда с тобой.

Он обнимал меня, прижимал к себе, шептал слова любви и млел от прикосновения моего тела, так я и уснула в его объятьях.

Проснувшись утром на груди Глеба, я лишь успела сказать ему:

– Привет.

Он меня сразу поцеловал и заявил:

– Привет, приехал Олаф. Ты из бассейна к обеду выйдешь, или всё-таки к завтраку?

Я торжественно поклялась, что к завтраку, Глеб ещё раз меня поцеловал и ушёл. Накупавшись в бассейне, совсем немного по моим меркам, я проходила мимо какой-то комнаты и увидела Олафа, который о чём-то говорил с Самуилом, и лица их мне совсем не понравились – такая в них была тревога. Олаф обернулся на меня, сразу улыбнулся и радостно поздоровался, но каким-то восьмым чувством я поняла – говорили они обо мне.

– Здравствуй, Олаф, как дела?

– Катенька, я так рад тебя видеть, ты стала настоящей красавицей, глаза так и горят.

Я стала краснеть, но Самуил меня спас.

– Катя так много плавает, Олаф, она и раньше много купалась, но после твоего замка совсем как рыба, только и мокнет, всё дно ищет. Скажи ей, что так нельзя, надо всё-таки и на суше иногда бывать.

Олаф только улыбнулся, рыба она и есть рыба. Улыбался, но глаза оставались тревожными, тёмными. Он посмотрел мне за спину, я обернулась и увидела Глеба.

– Я готова завтракать, идём?

– Ты иди, я поговорю с Олафом.

А чтобы я не передумала, он подхватил меня и перенёс

в комнату.

— Глеб, я понимаю у вас дела всякие, но всё, что касается меня, я должна знать!

Он остановился у порога, постоял спиной ко мне, потом повернулся и ответил:

— Ты всё узнаешь.

— Я ничего не боюсь!

— Я знаю.

И ушёл. А глаза как два провала, Олаф ему уже что-то сказал обо мне. Я долго стояла в гардеробной совершенно без мыслей. Потом решительно выбрала яркое зелёное платье с шикарной отделкой из белого кружева. Кружево итальянское, очень красочного мелкого плетения, даже узор сложно разобрать, оно красиво легло на воротник и волнами расходилось по краю рукава. Подумала, надела ожерелье Глеба и кольцо с изумрудом.

Когда я вошла в столовую, все встали. Не зря я вчера весь день боролась с Глебом, лицо жены командора явно проявилось на моей физиономии. Пожалуй, я погорячилась в оформлении своего решения всё узнать. Глеб, сидевший на диване в яркой футболке, почти как у Андрея, и джинсах, округлил глаза в изумлении. Олег с Виктором сразу подскочили и вытянулись как бойцы, руки по швам, никакой улыбки на лице. Олаф тоже поднялся, хотя не очень понял почему. Самуил сначала тоже встал, потом посмотрел на Глеба и сел, подумал, и опять встал весь в сомнении.

Глеб подошёл ко мне и спросил:

– Катя, я что-то пропустил? Мысль или уже решение?

– Мысль. И решение.

Он постоял рядом со мной, приподнял бровь и сделал лицо командора, футболка этому не помешала. Обернулся на всех и скомандовал:

– Свободны.

– Глеб, подожди, не свободны, я со всеми хочу поговорить!

Но командор есть командор – все исчезли, даже Самуил как-то умудрился испариться. Глеб уселся напротив меня на пол и, улыбнувшись, заявил:

– Изрекай своё решение. И мысль.

Совершенно растерявшись от стремительного командорского поведения, я промычала что-то нечленораздельное и плотно замолчала.

– Я тебя не совсем понял, повтори, пожалуйста.

Вздыхнув, я сложила руки на коленях и шёпотом сказала:

– Глеб, я же понимаю, что-то случилось, что-то Олаф узнал обо мне, я готова на всё и всё пройду. Я не хочу, чтобы ты один об этом думал, я тебя знаю – будешь молчать, и мучиться один до последнего. Придумал вчера меня сердить, но я же понимаю, не просто так, что-то за этим стоит.

Я опять вздохнула, и поступивший в легкие кислород принёс ответ.

– Эмоции. Что-то с моими эмоциями, тебе нужны были

мои эмоции. Так?

Глеб побледнел, но не ответил, только крепче сжал руки на коленях. Я взяла ладонями его лицо и спросила:

– Всё по кругу? Всё заново, эмоции, память... и всё остальное?

Он закрыл глаза, и я поняла – всё началось заново, всё, что я уже однажды прошла, придётся проходить по полной программе.

– Глеб, мы теперь уже готовы, знаем, что делать, уже легче.

– Кому легче? Тебе?

Подхватил меня на руки, прижал к себе, уселся со мной на руках на диван и скомандовал:

– Входите.

Они всё слышали, и только Олаф удивился моей прозорливости, смотрел как на привидение, остальные приняли как данность – Виктор только пожал плечами, а Олег улыбнулся. Самуил сел за стол и заговорил первым:

– Катенька, может так и не получится, может и не придётся опять всё проходить, никто ничего не знает. Олаф только определил, что Сельма дала команду словами, Олаф, объясни.

– Катя, это Арно мне напомнил, что Сельма владеет таким знанием, она может направленно закодировать слова, и когда ты их услышишь, в твоём организме может сработать эта кодировка. И я решил тебя проверить.

– Ты меня проверял?

Моё изумление его обрадовало, он улыбнулся и объяснил:

– Мне не нужно как Самуилу проводками тебя обвешивать. Я тебя на балу посмотрел.

– А я тебя совсем на балу не видела.

– Я тебя видел. Кодировка на тебе есть.

– Но раз ты видишь саму эту кодировку, то, значит, её можно как-то снять, что мне нужно сделать? Снова лабиринт пройти? Или в море кинуться?

Я посмотрела на Виктора, вот и залив пригодился, он побледнел до синевы и закрыл лицо руками. Но Олаф отрицательно покачал головой.

– Мы не знаем слов кодировки, это может быть самая простая фраза. Я сейчас прослушиваю все записанные разговоры.

– Мы с ней в беседке разговаривали.

– Этот ваш разговор мне боевики уже передали.

Понятно, что Сельма сама этих слов не скажет, я растерянно подняла глаза на Глеба, и он сразу ответил на мою мысль:

– Боевики Олафа не успели – она кинулась в пропасть. Они проверили, всё кончено.

– Глеб, всё правильно, это закон руками Сельмы нам испытание посылает. Неизвестно когда, неизвестно что, неизвестно насколько.

Все вздрогнули от моих слов, а я улыбнулась – не то про-

ходили.

– Ещё испытания, хотя огонь и воду ....

Оказалось – сейчас, я стала падать сразу, ещё не докончив говорить. Невероятная слабость охватила тело, и я просто стекала с рук Глеба, он меня подхватил, прижал к себе, встревожено спросил:

– Что с тобой?

Но говорить я не могла, только смотрела на него, так как сознание не потеряла. Вот и слова, сразу получилось вычислить, хорошо хоть думать могу, пока. Глеб прижимал меня к себе и только шептал:

– Катя, очнись, прошу тебя, скажи что-нибудь.

Но я даже моргнуть глазами не могла, просто смотрела на него и слабость только усиливалась. Олаф оказался рядом.

– Глеб, она в сознании, но совершенно без энергии, не мешай. Глеб отпусти её, дай мне возможность работать, отпусти! Олег, срочно найди Арно! Андрей аппарат, Лея! Глеб руки ей на грудь и держи. Держи! Виктор, держи!

Олаф уложил меня на стол, скинув посуду, одним движением разорвал на мне платье и оголил грудь, сам положил руку на лоб, а Глеб обе на грудь. Волна энергии подкинула меня над столом, я изогнулась так, что затрещали кости позвоночника, Олаф давил на лоб, а Глеб обеими руками на грудь. Хотя боль была невероятной, сознание я опять не потеряла, даже кричать не могла, только стонала. Виктор держал меня за ноги, но я умудрялась выскользнуть из его рук и подле-

тать над столом. Появился Андрей и попытался надеть мне на голову какой-то аппарат, но я всё подлетала и подлетала над столом, выворачиваясь от боли как змея, и у него ничего не получалось. Пока не появилась Лея, как только она взяла меня ладонями за лицо, я сразу упала на стол и замерла. Ещё немного и боль меня убьет, в полном сознании я понимала – всё, мозг не выдерживает, красная пелена затмевала всё, крика не было, а стон такую боль не выражает и даже мгновенного успокоения не приносит. И Лея закричала:

– Катя, смотри на меня, ты можешь, смотри на меня!

Я не понимаю, как смогла сфокусировать в этой кровавой пелене свой взгляд, но увидела расплывающееся лицо Леи, Андрей надел мне на голову что-то очень холодное и боль стала отступать, очень медленно, но холод эту сумасшедшую боль замораживал. И, наконец, блаженная темнота.

Болело всё, каждая клеточка моего тела, не было места, которое не отзывалось болью только от мысли о нём. Двигнуться невозможно, только вспомнила о руках, и поняла – ужас, как будто переломала всё, костей нет, а мышцы взорвались. А думать как больно, всё закипает сразу, неужели в моём мозгу столько мышц, чтобы так болеть? Кто-то коснулся моего лба, и я закричала:

– Больно, мне больно!

И сразу облегченный вздох, касание прекратилось, и кто-то радостно сказал:

– Глеб, всё хорошо, она в сознании и чувствует боль.

Я не могла посмотреть на этого идиота, который так этому радуется, но сквозь сумасшедшие удары боли в голове уже сочиняла месть, если выживу, конечно. Но вовремя потеряла сознание.

Не буду открывать глаза, всё так болит, вдруг веки тоже болят, но кто-то опять требует и требует: открой глазки, открой. Я осторожно наморщила лоб в ожидании болевой реакции, но её не последовало и пришлось открыть глаза. Самуил, как хорошо, с ним хорошо, только зачем он так плачет, это же мне больно, не ему, и я решила его успокоить. Правда, получился только шёпот:

– Самуил, всё хорошо.

– Глеб, она пришла в себя! Девочка моя, девочка, красавица, любимая моя девочка, как же ты, как ты смогла, все силы, моя девочка!

Он прижимал руки к груди и плакал, плакал и плакал, пока не появился Глеб. Невероятные светящиеся глаза, мне пришлось прикрыться веками от этого свечения.

– Катя, ты меня слышишь?

– Слышу.

Свой шёпот я сама еле расслышала, но Глеб услышал, совершенно невесомо коснулся щеки.

– Не больно?

– Нет, я пока не знаю, где не больно.

– Я с тобой.

Попытавшись кивнуть ему, я потеряла сознание. Я при-

ходила в себя, смотрела на Глеба и опять теряла сознание. Когда очередной раз увидела его глаза, то уже не удивилась и только ждала, когда он исчезнет, а он не исчезал. Он тоже ждал, что я опять закрою глаза, а я смотрела и смотрела на него, и он понял, что я вижу его.

– Привет.

Я долго думала, кивнуть ему или ответить, решила, что ответить безопаснее и прошептала:

– Привет.

Он больше не смог ничего сказать, только смотрел на меня глазами полными любви и боли. Мне пришлось решиться на улыбку, и оказалось, что улыбаться тоже не больно.

– Мне уже не так больно, уже могу улыбнуться.

– Я люблю тебя.

И такая боль в глазах, что я чуть опять не потеряла сознание. Попыталась достать руки, но оказалось, что они чем-то забинтованы так, что не видно пальцев.

– Что это? Почему?

– Ты все мышцы себе повредила. И на ногах тоже.

– Я сама? Зачем?

Лицо Глеба как-то странно изменилось, как волна прошла, но он справился с собой и спокойно объяснил:

– Ты сопротивлялась передаче энергии от Олафа и меня. Всеми своими гигантскими силами.

– Гигантскими?

– Да. Теми, которые в тебе проснулись, мы едва тебя удерж-

живали, только тело осталось человеческим, ты его ломала об нас.

Как это – я сама ломала своё тело? Вопрос был таким явным, что Глеб смог слабо улыбнуться.

– Мы пытались тебя держать и передать тебе энергию, а ты вырывалась так, что могла сломать себе всё. И боли не чувствовала.

– Я очень всё чувствовала, всё-всё чувствовала, больно невозможно, мозг чуть весь не выкипел...

Глеб побледнел, и глаза мгновенно почернели.

– Но ты лишь чуть постанывала... ни разу даже не крикнула...

– Не могла, почему-то не могла, но было очень больно.

– Ты всё чувствовала? Но это невозможно, ты чуть не сломала себе позвоночник...

– Это когда я над столом взлетала?

– Ты всё помнишь? Ты была в сознании?

– Пока Андрей какой-то холод мне на голову не надел, ещё Лея кричала...

Я всё шептала и шептала, пока не появились слёзы и я, наконец, не заплакала. Со слезами стала уходить боль в руках и ногах, а я всё шептала и не могла остановиться. Глеб смотрел на меня сумасшедшими глазами, огромными, полными боли и страдания. Несколько раз он пытался погладить меня по щеке, но останавливался на полпути в страхе, что мне будет больно, а я все шептала, рассказывала ему о своей

боли. Почему всё это ему рассказываю, зачем? Раньше никогда этого не делала, просто терпела и молчала, если не напивалась. А сейчас жаловалась и жаловалась, хныкала как маленький ребенок, всхлипывала, плакала, требовала сочувствия в своих страданиях. Потому что верю ему, большому и сильному, верю, что он любит меня и спасёт в этой боли, что он понимает её, эту мою страшную боль. Я для него теперь жизнь, счастье и любовь. Этот ужас, который я пережила, помог мне понять, насколько я его люблю и доверяю, наконец, поняла, что я не одна, я ему могу всё сказать, мне не нужно быть сильной. Тяжело вздохнув, я посмотрела на него и прошептала уже спокойнее:

– Ты меня не слушай, это просто истерика, не так уж больно и было, совсем чуть-чуть, сам сказал, что я только стонала.

Глеб закрыл лицо руками и кивнул – конечно, совсем чуть-чуть. А я вдруг успокоилась, слёзы помогли, боль ушла, и тело охватило блаженство от ощущения отсутствия боли. Когда я попыталась пошевелиться, Глеб сразу остановил меня:

– Катя, не двигайся, у тебя все мышцы порваны на ногах и руки очень повреждены, спина тоже непонятно как держится. Олаф, зайди.

– Катя, здравствуй, дорогая. Выглядишь хорошо.

– Привет. Зеркало есть?

– С этим подождём, завтра посмотришь на себя.

– Такой ужас?

– Ты прекрасна, только... от напряжения у тебя немного мышцы на лице... чуть изменились.

Даже лицо ощупать не могу, всё замотано какой-то непонятностью, это не бинты и не холст, что-то плотное, но не жёсткое. Попытавшись ощутить спину, поняла, что лежу на чем-то, проваливаюсь, как в пуховой матрац, ощущение непонятное. Олаф положил мне руку на лоб, и я сразу потеряла сознание от удара энергией.

Я пришла в себя от того, что кто-то трогал мои руки, Олаф. Он разматывал непонятность с моих рук... о, ужас! Кожа была совершенно синей, сплошной синяк, и такая распухшая, пальцы как сосиски. И я воскликнула:

– Это что такое с моими пальцами? Олаф, это навсегда? Как с ними жить?

Он только улыбнулся.

– Катя, час назад ты только шептать могла, а сейчас уже достаточно громко возмущаешься. Всё пройдёт, и ты скоро будешь ещё красивее. А сейчас ножки, прекрасные ножки.

Прелесть ножек ужаснула меня так, что я закрыла глаза.

– Ну, что, зовём Глеба?

– Нет! Только когда хоть немного меньше стану, Олаф, я как слон опухший.

Олаф очень вкусно рассмеялся, покачал головой и позвал Глеба:

– Глеб, Катя в полной красоте, торопись увидеть.

Своими пальцами-сосисками я не могла укрыться одеялом, они меня совсем не слушались, и когда вошёл Глеб, я только с ужасом посмотрела на него. Олаф получил массу удовольствия от моего смущения и улыбки на лице Глеба.

– Моя красавица, ты уже совсем пришла в себя, даже говорить можешь.

– Глеб, только совсем синяя красавица, розовой я уже была, теперь вот синяя.

Олаф что-то сказал Глебу на ассасинском и, подмигнув мне, вышел. И чего он так радуется, прямо счастлив весь, даже подмигнул мне, несмотря на присутствие Глеба.

– Я не понимаю, чему он так радуется. Опять буду ходить как ужас, никуда не выйти, буду только лежать и лежать.

– Так ходить или лежать?

Глеб улёгся рядом со мной и улыбался, поводил пальцами по моей синей сосиске.

– Хорошо хоть не ванна эта жуткая, ты хочешь сказать, что я прямо завтра пойду гулять в сад?

– Завтра не завтра, но скоро будешь гулять.

Я даже не удивилась своим, как догадываюсь, синим лицом. И какое такое лечение они придумали для моего совершенно измученного тела, что синева так быстро пройдёт? И эта слоновость сама по себе превратится в нормальность тела. Глеб мягкими пальцами очень нежно касался кожи на руках, и я почувствовала тепло, сначала легким дуновением, потом всё сильнее и уже совсем горячо. Я чувствую

его энергию! Глеб улыбался, смотрел на меня и его глаза светились звёздочками.

– Я люблю тебя, милая моя, всё хорошо, твоё удивительное тело станет ещё прекраснее.

Он гладил мою кожу, и она оживала, прямо на глазах оживала, как та роза, как тот букет, который расцвёл от его прикосновения. Отёк спадал, и пальцы уже не стали похожими на сосиски, ещё не мои пальцы, но уже значительно тоньше.

– Глеб, это что, я как цветок, да? Так быстро, удивительно.

– Ты самый красивый цветок, единственный в мире цветок.

– Ты будешь меня лечить?

– Я уже лечу тебя, восстанавливаю твоё мягкое тело.

Глеб водил руками надо мной, иногда касался кожи, и тело оживало, даже спина перестала ощущаться металлическим колом. Энергия лилась из его пальцев настоящим потоком, и я впитывала её как сухой песок воду, мгновенно и всю. И даже не заметила, как уснула.

Меня лечили все, Олаф объявил, что мне нужно разную энергию, не пытаясь даже объяснить, чем же она отличается, поэтому каждому было выделено время и начиналось развлечение. Олег назвал меня синей птицей счастья, Андрей голубым облаком. Виктор долго мычал, сдерживая своё сравнение, я сделала грозное лицо и затребовала правды, но услышав её, тут же кинула в него подушечкой. И откуда он таких слов набрался, кино что ли крутит, словарный запас

пополняет – синий пупсик, хорошо, что Глеб не слышал. Я объявила ему вендетту, вот как только верну себе нормальный цвет, так и начну ему жену искать, серобуромалиновую, он такого слова не знает и пусть пока радуется.

Удивительно, но хотя цвет кожи уже стал невероятного послесинякового состояния, то есть – все цвета радуги, у меня ничего не болело, мышцы восстановились быстро. Олаф даже говорил, что я что-то там ломала, но категорически не стал уточнять, что. Заявил – заросло и будь довольна. Сам лечил приложением руки ко лбу, от которого я сразу на некоторое время теряла сознание. Глеб лечил своей энергией дольше всех, приходил, укладывался рядом со мной и целовал всё мое тело. От его поцелуев во мне возникали уже знакомые вихри, и тело тихонько звенело от удовольствия. Однажды вечером после такого лечения он решился меня обнять, хотя я и раньше говорила, что у меня ничего уже не болит. Объятие было таким нежным, таким бережным, что я заплакала.

– Не плачь, моя милая, я люблю тебя.

Я всхлипывала и пыталась ему сказать, что люблю его, но у меня ничего не получалось, и он только улыбался.

– Ты моя единственная, самая прекрасная.

Утираясь его платком, я просипела:

– Серобуромалиновая, конечно, единственная, где ещё такую найдёшь?

Глеб засмеялся и спросил:

– А Виктору ты где такую собралась искать?

– Ага, испугался, а сам меня называл... и где такое слово только слышал.

– Пупсик? А что, нежно звучит – пупсик.

– Не смей! Никогда не смей так меня называть!

Рассердившись, попыталась вырваться из его рук, но мне стало больно, и я поморщилась.

– Что? Тебе больно? Где больно?

– Вот, если будешь так меня называть, то я...

– Не буду, клянусь.

Хорошо, что эти сверхчеловеки всегда свою клятву держат, теперь можно быть абсолютно уверенной, что никогда Глеб так меня не назовёт. Я прижалась к нему и задала вопрос, который меня очень волновал, но я боялась спрашивать:

– Ты поэтому решил после бала? Потому что Олаф тебе сказал, да?

Глеб молчал очень долго, гладил мои руки, целовал пальцы, волосы и в глаза не смотрел. Я спрятала лицо у него на груди и прошептала:

– Можешь не отвечать.

Глеб поднял моё лицо и сказал, не отрывая тёмных глаз:

– Я люблю тебя, жизнь за тебя отдам, только ты её не брала никак, жизнь эту, мою энергию. Я ждал, обещал тебе и ждал. Информация Олафа и поведение Норы на балу... короткая человеческая жизнь.

И вдруг улыбнулся, нежно меня поцеловал и прошептал:
– Ты сама сказала, что это ты меня совратила.

Я открыла рот от удивления, ну да, сама сказала. Глеб расхохотался, чмокнул меня в макушку.

– Глеб, ты меня своей энергией... когда потом целовал...

– Да, хоть немного, но ты принимала. Когда ты кодовые слова произнесла, то сразу всю энергию потеряла, совсем немного осталось, поэтому Олаф успел, понял, что нужно делать.

– Это твоя энергия?

– Может быть.

– А почему ты сказал, что я сама себя ломала?

– Ты не принимала нашей энергии, все твои силы, странная, но очень мощная энергия, сопротивлялись нам, ты не просто сопротивлялась, ты нас отторгала. Энергия Олафа не могла пробиться, я только удерживал тебя над столом, а ты ломала свои ребра о мои руки, поднималась и давила своим телом на мои руки. Это я тебе два ребра сломал.

– У меня сломаны рёбра? А ещё что?

– Всё уже зажило.

– Глеб, хоть одна косточка у меня осталась целой?

– Голова.

А сам улыбнулся неожиданно, я тут выяснила, что вся была сломана, а он смеётся, и удивлённо посмотрела на него.

– Среди нас самой сильной оказалась Лея.

– Лея что-то кричала мне, я помню.

– Она как-то смогла пробиться сквозь сопротивление твоей силы, брешь пробила, а дальше уже Олаф смог тебе помочь.

Глеб гладил меня по голове, прижимать к себе ещё боялся, мягко касался губами моего лица, даже щекой потерся об мою щёку.

– Я люблю тебя.

– Глеб, и что теперь с этой моей силой? Что это?

– Никто не знает. Олаф пытается понять, он поражен тому, как ты восстанавливаешься, очень быстро для человека.

– Я что, уже не человек? Мутант?

– Катя, ты человек, прекрасная человеческая женщина.

Мы не говорили о моей боли – я не хотела, а Глеб не мог. Я замечала, как он иногда искоса смотрел на меня, и в его глазах было столько сострадания, что у меня начинало болеть сердце. Всё правильно – физическое страдание для моего хрупкого тела и моральное для этого невероятной силы и возможностей сверхчеловека. Самым страшным для него было осознание невозможности мне помочь, вся его мощь ничего не значила в моих страданиях, моей боли. А в этот раз он своими руками ломал моё тело, которое ещё недавно любил на нашей постели. Именно сейчас, когда мы учимся любить друг друга как настоящие муж и жена, наступило испытание и для него, и для меня. Только так закон может решить можно ли давать шанс на любовь этим сверхчеловекам и людям, возможность жизни рядом, не всем, тем, кто готов.

Не как хищнику и жертве, а как любящим мужчине и женщине. Даже Глеб со своей многолетней мечтой, жуткой борьбой с самим собой в полной неизвестности, не сразу смог побороть в себе хищника – уже полный любви он ломал меня, не в состоянии сдержать свою сущность. И сейчас он с ужасом вынужден был опять ломать меня, борясь уже со мной, с моей таинственной силой, которая неожиданно выступила против. Что-то нужно понять мне, не в силе, а в любви. Что-то, чего я ещё совсем не понимаю, может быть, какой-то страх свой преодолеть, который ещё сидит во мне и поднимает эту силу и борется против этой любви. Слова Сельмы лишь ускорили это испытание, она сыграла свою роль в действии закона и тем самым решила свою судьбу. Свой выбор она сделала сама и получила за него именно то, что должна была получить по этому закону. Только любовь даёт жизнь и счастье, и не важно, что это за любовь: к мужчине, женщине или ребёнку. Даже просто понимание, помощь в любви другим дает шанс найти самому любовь.

– О чём ты думаешь?

– О нас. Я люблю тебя. То, что произошло, это испытание, ты не думай об этом, иначе нельзя, только так.

– Мне ломать тебе рёбра?

– Именно тебе, прости, но только так ты поймёшь, как ты меня любишь. И как тебя люблю я. Когда твоя невероятная сила ничего не значит, ты просто мужчина, который спасает свою женщину. А я просто слабая женщина, которую спасает

её мужчина.

Глеб не понял. Он смотрел на меня мрачным чёрным взглядом и не понимал, почему в доказательство своей любви он должен ломать мне рёбра. Я постучала своим уже почти нормальным пальцем ему по лбу – глупый командор, ничего ты не понимаешь в законах любви.

– Понимаешь, ты настолько силен, да ещё и восстановиться можешь сразу, как тебя мучить? Только моими страданиями. Как закон поймёт, что ты действительно меня любишь? Только когда ты сам захочешь отдать за меня свою жизнь.

– Ты отдала свою жизнь мне.

– Ну не всю, видишь, до сих пор жива. А теперь ты мне свою жизнь отдаёшь.

– Это лишь энергия. Катя, я так и не понял, почему я должен ломать тебе рёбра в доказательство своей любви? Есть много других способов её доказать.

Один из них он сразу и продемонстрировал. Поцелуй был очень нежным, ласковым, страсть лишь угадывалась. Между прочим, такой способ восстановления тела мне очень даже нравится.

На улице был такой яркий солнечный день, что я с тоской смотрела в окно. Глеб заметил мой взгляд и предложил прогулку по саду. Я недоверчиво посмотрела на него – про-

гулку? Ходить мне Самуил ещё категорически запретил, я уже вставала сама, иногда мне помогала походить по комнате Лея, но прогулка по саду? Глеб улыбнулся и таинственно прошептал:

– Самуил уехал, и Олафа в доме нет.

Грозный командор предлагает жене в отсутствии врача совершить партизанскую вылазку, я радостно закивала головой. Выглядела вылазка так: Лея помогала мне одеваться, Олег подогнал машину с открытым верхом, а в это время к дому подъехал Виктор и радостно помахал нам рукой. Глеб усадил меня в машину, закрепил ремень и положил подушку под ноги, руки спрятал под шубой. Матрёшка на выезде.

Мы ехали по саду, который оказался достаточно большим – за домом обнаружилась территория фруктовых деревьев. Я так обрадовалась возможности увидеть когда-нибудь настоящий цветущий сад, что пять раз сказала об этом Глебу. Он только улыбался и убеждал вернуть руки под шубу, но я всю ими махала, показывая ему разные красоты. Глеб негромко что-то сказал, потом повернулся ко мне:

– Есть хочешь?

– Хочу, а что здесь есть такое место или будет пикник?

– Место.

Мы подъехали к небольшому домику среди густых кустов, и нас уже встретили на крыльце несколько боевиков. Так странно видеть эти грозные фигуры на небольшом крылечке в чёрных костюмах и полном вооружении. Как только Глеб

взял меня на руки и подошёл к крыльцу, они встали на колени и оперлись на ножи, приветствие главы клана. А я смотрела на них и не знала, что сказать, просто здравствуйте? Пока я думала, один из них встал и посмотрел на Глеба восторженно, тот, видимо, кивнул, разрешая, потому что я услышала чёткий голос:

– Приветствуем тебя, жена командора.

– Здравствуйте, рада вас видеть.

А что я ещё могла сказать? Уже внимательнее посмотрела на них и увидела крупных молодых людей, стройных, очень эффектных в своих чёрных костюмах, никакого чувства опасности – ясные глаза и внимательные взгляды. Только ножи как-то портили общую приятную картину. Удивительно, что Глеб позволил боевику обратиться ко мне с приветствием, раньше я их даже не видела, знала, что они где-то рядом, везде, но вот так – в первый раз. Это после той клятвы на берегу, я же заявила, что не хочу их бояться, вот Глеб и решил показывать их мне. Я даже начала различать лица и не чувствую опасности с их стороны. Улыбнувшись им, я заметила, что некоторые глаза улыбнулись мне в ответ.

В домике оказались две комнаты, и в них явно жили люди. Очень чисто, светло, везде весёлая вышивка, занавески, какие-то полотенца на гвоздиках, как этнографический музей, только итальянский и ещё старинное зеркало на стене в бронзовой раме. В центре комнаты стоял большой стол со скатертью, весь уставленный едой, вокруг стола табуретки

и одно большое кресло. И всё, даже шкафа нет. Не сразу заметила цветы на окнах, маленькие горшочки фиалок, невероятных оттенков соцветия, листьев совсем не видно. Глеб устроился в кресле со мной на руках.

– Еда простая, сам Вердо готовил.

– Это хозяин домика? Он садовник?

Вопрос я задавала, поедая удивительно вкусную ветчину с домашним хлебом, запах умопомрачительный.

– Хозяин, садовник.

– А можно мне с ним познакомиться?

Глеб подумал немного, почему-то сомневался, но потом позвал:

– Вердо.

Какой же он огромный, как боевик, сразу заполнил собой всю комнату. Чёрная борода скрывала почти всё лицо, густая шевелюра волос, расчесывать бесполезно, сразу понятно. И глаза – невероятной синевы глаза, яркие, молодые. Он что-то сказал на итальянском удивительно мелодичным голосом, как пропел. Я смотрела на него во все глаза: садовник из фильма, представить, как он своими огромными руками пересаживает листики фиалки, было невозможно.

– Здравствуй Вердо, очень вкусная еда, спасибо тебе.

Он внимательно на меня смотрел, пока Глеб ему переводил, слегка поклонился в благодарность за слова, но поклон был очень гордым, поклон уверенного в себе человека. Вердо явно знал, кто такой Глеб, раз боевики стояли на крыль-

це его дома, и видел их приветствие, однако чувствовал себя совершенно спокойно, почти на равных.

– Ты сам печёшь этот хлеб?

– Он сам готовит себе еду, но не проси, всё равно не даст.

Глеб улыбнулся, видимо, уже пытался для меня что-то из еды просить, а тот отказал. Вот это да, кто-то смог отказать Глебу, и он это спокойно пережил, без последствий. Значит, хороший садовник. Восхищенно понюхав ломтик хлеба, я положила его в карман шубки. Глаза Вердо стали как два блюдца, он даже рот приоткрыл, а Глеб рассмеялся и пожал плечами: что поделаешь с этими женщинами, всё как сороки подбирают. А я продолжила игру: съела кусочек ветчины, но уже без хлеба, хитро посмотрела на Вердо, и ещё один кусочек хлеба убрала в карман. То есть, это тот кусочек, который я должна была съесть с ветчиной. Вердо улыбнулся, кивнул и вышел. Глеб обнял меня и сказал тихо:

– Катя, ты его поразила своим восхищением хлебом.

– Очень вкусно, в Италии везде хлеб вкусный, ну, где я пробовала, но этот такой ароматный, нежный, какие-то травы добавлены, я не устояла. Всё равно буду просить, или каждый день приходить на обед.

Эта мысль ему явно не понравилась, но ответить он не успел, вошёл Вердо с большим свертком и протянул его Глебу. В куске грубого домотканого холста был завернут круглый хлеб, мягкий, с тонкой хрустящей корочкой. Я сразу его понюхала, щекой приложила к этой корочке, потом

даже губами коснулась.

– Глеб, скажи ему, что я очень ему благодарна, это самый лучший хлеб, который я ела в своей жизни.

Но Глеб мог не переводить, Вердо всё и так понял, что-то менялось в его глазах, в них вдруг проявилась странная боль, но он сразу улыбнулся мне и что-то спросил у Глеба. Глебу вопрос не понравился, он сразу как-то прикрыл меня и ответил резко.

– Глеб, что он спросил? Скажи, я хочу знать.

Он помолчал, смотрел на Вердо, но тот никак не отреагировал на его резкий ответ, стоял и смотрел на меня.

– Он сказал, что ты больна, сильно больна.

– Но это правда, я действительно пока больна. Спроси его, может ли он мне помочь. Не сердись, в его хлебе много трав, кто знает, надо пользоваться любой возможностью, ваша энергия хорошо, очень хорошо, но вдруг ещё и травы помогут.

Посмотрела на Вердо и улыбнулась ему, а сама трясла руку Глеба, просила перевести. Глеб вздохнул, как сложно командору о чём-то просить садовника, хотя и понимал, что я права, человеческое тело тайна, всё возможно. А я осознала его сомнение – Сельма.

– Глеб, Сельма была ведьмой, а Вердо просто садовник.

– Катя, я ему переведу, но решать что-либо о твоём лечении...

– Я всё понимаю, ты только переведи.

Вердо с интересом наблюдал за нашим диалогом и явно удивлялся, командор открывался для него с неожиданной стороны. Но командор, есть командор, тон был ещё тот – командорский. Вердо внимательно его выслушал, кивнул головой и ответил короткой фразой.

– Он подумает.

– Вот видишь, ничего страшного, пусть думает, а хлеб очень вкусный. Самуилу тоже понравится.

– Ты сможешь поделиться?

– С трудом.

И мы рассмеялись под удивлённым и каким-то восхищённым взглядом Вердо. Когда мы уходили, то есть Глеб меня уносил на руках, я ещё раз сказала спасибо и протянула руку Вердо. Он удивился, но руку пожал, вернее, чуть тронул пальцы под недовольным взглядом Глеба. Боевики также проводили нас и сразу исчезли, только что были на крыльце – и уже нет, испарились в кустах.

Мы ещё покатались по саду, а потом Глеб остановил машину на берегу озера, вынес меня и сел на скамеечке. Так мы сидели, Глеб меня обнимал, а я уснула почти сразу, хотя хотела выяснить – кто такой этот странный садовник Вердо и как он попал к нему.

Вечером я категорически заявила Глебу, что ужинать буду в столовой, такой хлеб нельзя есть в одиночестве. Ему пришлось согласиться, так как я угрожала позвать всех к себе в комнату.

Собралась вся компания. Когда Глеб принёс меня в столовую с хлебом на руках, все уже ждали. Я торжественно уселась за стол и рассказала о встрече с Вердо, затребовала нож и отрезала кусочек для Самуила на пробу. Олаф немедленно попросил себе тот хлеб, который я принесла в кармане шубки.

– Я его уже съела, но он точно такой же как этот, аромат тот же.

Олаф осторожно отрезал себе совсем маленький кусочек, долго его обнюхивал, совершенно как гончая собака, даже глаза изменились. А Самуил пробовал хлеб такими маленькими кусочками, что я отрезала большой ломоть и подавала ему.

– Очень вкусно, действительно вкусно, какие-то травы добавлены, аромат невероятный. Катенька, может быть, мы сможем с ним договориться, мне так понравилось, удивительный вкус весны. Интересно, что он туда добавил, а кто он этот Вердо?

Командор молча ждал вердикт Олафа, а тот даже в пальцах раскрошил кусочек, ещё отщипнул, скатал шарик, опять нюхал. Наконец, аккуратно очистил руки, даже платком протёр и изрёк:

– Хорошая энергия, Катя, тебе полезно есть этот хлеб.

Я вопросительно посмотрела на Глеба – придётся водить меня на обед к садовнику – но он только пожал плечами, мол, сама договаривайся, хлеб он тебе отдал. Ладно, подумаем,

а пока хотелось бы знать, кто он.

– А как к тебе попал Вердо?

Глеб усмехнулся, и ответил Олег.

– Это я его привёл.

Если Олег, то это всё, что смогу узнать о садовнике и я сразу сникла. Но Олег сегодня оказался словоохотливым, видимо сказалоь то, что я появилась уже почти здоровая. Он продолжил:

– Вердо специалист по очень специфическим боевым искусствам. Работал с нашими давно: наёмники, заказы... разные, посредник между некоторыми кланами и людьми.

Вот это да, интересный садовник, да ещё и пекарь, фиалки как-то не очень вписываются в образ. Мы с Самуилом ждали продолжения, но Олег вопросительно посмотрел на Глеба, тот опять усмехнулся и кивнул – рассказывай.

– Одно из нападений на нас организовал он.

Нападений? И указала пальцем на себя – из-за меня?

– Да.

Чем дальше, тем интереснее. Значит, сегодня он увидел ту девицу, которую не смог похитить, поэтому и удивлялся так сильно, поэтому и Глеб сомневался – знакомить ли нас. Но почему он решил его принять к себе, явно под бдительным надзором боевиков, но ведь допустил, а может спас? Но не успела задать вопрос, Олег понял и сразу ответил:

– Некоторым генералам, людям, он стал мешать – слишком много знает, его много раз пытались убить, но он умуд-

рялся даже от наемников уходить, специалист. Бороду отрастил, прятался, но я его нашёл.

И когда успел: то меня спасал, то Аароном занимался, то в Париж и Норвегию ездил с нами. Только открыла рот задать следующий вопрос, как Олег и на него ответил:

– Его отец был садовником какого-то герцога, вот он в детстве и научился, пока навсегда в армию не ушёл. А хлеб, видимо, это из каких-то правил выживания людей.

Нет, такой хлеб ради выживания не пекут – это уже душа, божий дар. Да и ветчину такую без души не приготовить. Хотя, если выживание, то травы точно знает, какая травка жизнь спасти может это он знать должен. Виктор тоже решил сказать своё веское слово для моего успокоения:

– Катя, мои мальчики за ним смотрят, хорошо смотрят, от них он точно не уйдёт.

– Я его не боюсь. Такой хлеб не причинит мне никакого зла.

Глеб даже глаза поднял к потолку и вздохнул, моей наивности нет пределов. А Олег только улыбнулся, привёл, конечно, спас от людей, даже Глеб под своё крыло взял, но посмотреть в сторону не дадут. Неожиданно подал голос Андрей, тихонько сидевший в уголке на пуфике:

– Я установил камеры слежения, реагирующие только на его передвижения. Если он пересечёт установленную границу, они сработают.

Мне осталось только тяжело вздохнуть – пожалуй, побег

за хлебом у меня не получится. Олаф засмеялся, я совсем забыла, что он читает мои мысли.

– Катя, ты лучше так не думай, ешь пока хлеб, а энергией мы тебя будем лечить. Ты меня даже не поражаешь, я уже многое о тебе узнал, увидел, только понять никак не могу.

Олаф решительно встал с дивана, а лица присутствующих стали очень серьёзными, даже глаза Виктора изменились, прищур странный появился. Ну, вот, сейчас начнётся, я выпрямила спину и приготовилась что-то новое о себе узнать.

– Ты уникальное создание природы. Природа производит на тебе какой-то эксперимент, она выжимает из тебя все физические силы, заставляет пройти через невероятную боль, а потом меняет тебя, восстанавливает и снова меняет через боль. Я, когда твои первые муки смотрел, никак не мог понять, как ты смогла выжить. В твоём возрасте, с твоим физическим телом это просто невозможно, а потом понял – ты выжила только силой мысли. И каждый раз всё так и происходило, тело практически погибало, но сила мысли заставляла его жить.

Он прошёлся по столовой, а я пыталась понять, что он говорит – именно с мыслью у меня в такие моменты было совсем плохо, никаких мыслей, сознание отсутствовало, кроме последнего испытания. Но и тогда я особенно ни о чём не думала. Но все внимательно смотрели на меня и видимо искали хоть какие-то проблески этой мысли. Я даже растерялась от этих взглядов, посмотрела на Глеба, но и он сидел

весь в поисках этой самой мысли.

Олаф остановился напротив меня и продолжил:

– О том, как ты им кровь свою предлагала, когда кожу меняла и сердца соединяла, я даже говорить не буду, там всё понятно.

– Олаф, тебе ясно, мне не очень.

Наконец, я обрела дар речи и решила уточнять сразу, иначе запутаюсь в остальном. Олаф наклонился ко мне и посмотрел в глаза:

– Скажи, умирая, ты бы отдала свою кровь Глебу, чтобы он жил?

– Да.

– И не умирая?

– Да.

– Вот ты и выбрала сама, сердце своё вернула и решила Глеба спасти, чтобы жил, даже без тебя жил, да и не только он, все, кто тебя окружал. Всем ведь предлагала? Не только Глебу? Мысль – великая сила человека, ты им кровь свою, жизнь отдавала, только чтобы они жили, а сама только на силе своей любви и держалась. Катя, с такой потерей крови люди не живут. За эту твою мысль природа тебя и спасла. За это дала тебе новую кожу и новое сердце. Самуил, ты Кате ещё не говорил о её новом сердце?

– Не в подробностях.

– Так вот, у тебя сердце молодой девушки, лет двадцати.

От такой новости я удивлённо округлила глаза и посмотрела

рела на Глеба, тот улыбался, ну, как пацан юный. Олаф тоже оглянулся на Глеба.

– А Глебу испытание было по его природной сущности. И опять только твоя мысль его и спасла.

– Моя?

– Ты смогла его убедить, что на самом деле его любишь, он за твою любовь и стоял в твоей крови, держался за эту твою мысль. У Сельмы ничего не получилось.

– Почему у Сельмы? Тогда же она ещё... чай.

– Чай. И лабиринт, ты не должна была его пройти. И за-быть тебя она Глеба заставила, убедила, что он тебе помещает в твоём пути, а на самом деле – чтобы он тебе помочь не смог. А ты решила, что пройдёшь и прошла, любовь вела тебя сквозь лабиринт, твоя мысль. И заставила Глеба всё вспомнить и свою любовь почувствовать, самому осознать, как он тебя любит.

Я вся сжалась в комочек и закрыла лицо руками, это был даже не ужас, а ...жалость и какое-то брезгливое чувство презрения. Олаф подошёл ко мне и тронул за плечи.

– Катя, твоя любовь, твоя мысль провела тебя через все эти испытания, и ты исполнила пророчество. И ещё всю эту компанию за собой протащила.

Глеб не выдержал, оказался рядом со мной, взял на руки, и мы тут же оказались на диване. Он обнял меня, но я решительно подняла голову и спросила:

– Море мне понятно, я должна была утонуть и выплыла

на силе своей мысли. А мое ломание всех костей? Это же я сама, моя сила уже выступила таинственная, она что – и этим смогла управлять?

– Нет, этим она управлять не могла, это кодирование на испытание раздором. А раздор означает в вашем случае разница энергий. Ты своей силой отторгала нашу энергию, и лишь частица энергии Глеба, которую ты допустила, спасла тебя. Ведь раньше, опять же силой своей мысли ты отказалась брать от него энергию, жалела его – вдруг обессилит худенький.

Этот худенький обнимал меня всё крепче, потом отпускал, чтобы не сделать больно, и снова прижимал к себе. Олаф театрально, почти как Виктор, широко взмахнул руками и произнёс:

– Но Сельме надо сказать спасибо за всё, что она натворила.

Только я поняла, что имел в виду Олаф, остальные замерли как изваяния от его слов. И Олаф заметил понимание в моих глазах.

– Ты меня поняла.

– Ты прав, совершенно прав.

Теперь уже на меня посмотрели как на немножко не в себе, но от комментариев пока отказались. Значит, поверили в наличие мысли в моей голове.

– Катя меня поняла. Стараниями Сельмы она прошла все испытания и стала сильнее, изменилась. Кстати, на балу Ар-

но не мог поверить в твой физический возраст. Он талантливый ученый, хорошо знает природу человека, так вот он сказал, что тебе на самом деле сейчас не больше тридцати. Он хотел сам... но Глеб не позволил.

Олаф замолчал и с удовольствием оглядел присутствующих, лица были, мягко говоря, сильно удивлённые. Он улыбнулся и подмигнул мне:

– Катя, но это всё в общих чертах, ещё многое мне не совсем понятно, роль Леи, например. Только она смогла достучаться до твоего разума, вернуть тебя из этого энергетического коллапса, никому из нас это не удалось. Мне совсем непонятно, как ты чувствуешь приближение испытания, как ты собираешь вокруг себя именно тех, кто должен помочь. Почему у тебя глаза изменились в доме, как ты почувствовала все... подарки Сельмы. Как ты сейчас восстанавливаешься, просто поразительно! Твоё тело как бы заново рождается из кучки поломанных костей и размазанного мяса.

А вот этого он говорить не должен был, сразу смутился и как-то испуганно посмотрел на Глеба, видимо нарушил грозное указание командора. Но мой взгляд оказался страшнее.

– Олаф, а вот с этого момента подробнее. Пожалуйста. Глеб, я хочу знать.

Глеб хотел мне что-то сказать, но промолчал, правда, громко так промолчал. Олаф даже немного съёжился. Самуил откашлялся и решил его спасти:

– Катенька, понимаешь, ты в своей борьбе очень о руки ... сильно поранилась, ломала всю себя, они же тебя удержать не могли, все мышцы порвала, косточки поломала, а спина, вот, совсем... у тебя спина как, уже не болит?

– Не болит. У меня уже ничего не болит.

Виктор решительно встал и признался:

– Катя, ноги я тебе переломал.

Вздыхнул тяжело и опустил глаза.

– И руки тоже.

Олаф обрёл дар речи после взгляда командора и тоже хотел что-то сказать, но Олег его прервал:

– А я тебе ничего не ломал, не успел, за Арно ездил.

Но когда поднялся Андрей, я решила остановить этот процесс самобичевания, тем более что уже знала – кто мне ребра поломал.

– Андрюша, прости, я не хочу ничего знать, это я сама себе всё ломала, вы тут не причём. Но Олаф прав, я теперь молодая и красивая. И здоровая.

И так тяжело вздохнула, что Олаф улыбнулся. Ещё один вопрос меня интересовал:

– А что сказал Арно, ну, вообще, он что-нибудь сказал?

– Он завтра приедет, очень хочет с тобой поговорить. Если Глеб позволит.

Я так посмотрела на Глеба, что он сразу позволил, кивнул. Слишком много информации, моя умная голова уже ничего не понимала, и я лишь хотела одного – лечь в постель,

и чтобы Глеб меня обнимал. Он понял меня и сразу перенёс в спальню.

Мы долго лежали молча, я прижималась к Глебу, но сказать ничего не могла. Он обнимал меня, гладил по голове и касался губами лба, опять температуру меряет, вдруг снова вернется нервная горячка.

В моей голове возникла мысль, и я стала её думать. Мысль неправильная, но пока единственная и я решила всё-таки уточнить у Глеба:

– Скажи, а если бы моё сердце не помолодело, осталось старым, несчастным, одиноким сердцем, и кожа бы осталась такой красной, некрасивой, может, от ожогов в лабиринте вся сморщилась, и ноги не зажили...

– Я люблю тебя.

– Ты скажи правду. Вот сейчас я молодая и красивая, так говорят, но если...

– Если не бывает. Ты самая красивая и молодая женщина для меня. Единственная. Олаф прав, ты ни о чём не думала, ничего для себя не просила, отдавала себя, отдавала мне свою жизнь. Тогда никто ничего не знал, а ты сама предложила свою кровь мне, тому, который тебя хотел убить. Самуил мне рассказал, как ты отдавала свою кровь для меня, когда на вас напали, боялась, что погибнешь и не успеешь мне помочь. Твоё сердце не одиноко, там есть я.

Неожиданно он так чувственно провел руками по моей груди, что я задохнулась.

– Помни, я с тобой, везде и всегда. И твоё тело моё, молодое и красивое, любимое.

И так поцеловал, все мысли, правильные и неправильные мгновенно улетучились из моей головы. А потом, когда я уже немного пришла в себя, взял моё лицо ладонями и взгляд во взгляд, голосом командора заявил:

– Ты моя жена и я тебя люблю. Даже думать не смей в сторону.

– В какую сторону?

– Ни в какую.

И опять поцеловал. Наверное, он прав, только так можно изгнать страхи из моей головы. Он бы меня любил, даже если я осталась со старым своим сердцем, а если ноги не зажили, то носил бы на руках, и даже если осталась красного или синего цвета. Глеб положил свою руку на то место, где бьётся мое сердце и слушал, хотя он его слышит и так. Я улыбнулась:

– Ты что, сравниваешь, молодое лучше бьётся?

– Оно бьётся счастливо. И ничего не боится. Твоё сердце никогда ничего не боялось.

Глеб сам меня раздел, помыл в ванне как любящий муж, нежно, чтобы нигде в моём теле не возникла боль, лечил поцелуями, и я уснула на его груди совершенно счастливая.

Утром я почему-то вспомнила: а где ожерелье Глеба, которое было на мне в тот день? Оказалось, что Олаф его порвал и сейчас оно уже восстановленное лежит в гардероб-

ной. Мне захотелось его надеть, и я выбрала лёгкое светлое платье, ожерелье очень гармонировало с ним. Лея подвела меня к зеркалу, и я впервые посмотрела на себя не с точки зрения заживающих синяков, а как на любимую женщину Глеба. Я изменилась, очень изменилась, может действительно молодое сердце так действует, а может любовь, но я стала другой женщиной. Глаза зеленели ярким светом, в них так явственно проступали поцелуи, что я даже смутилась. Мягкость как-то изменилась, она стала легче, изящнее, хотя это слово очень с трудом можно применить к моей мягкости. А кожу оценить пока сложно, разводы всех оттенков мешали точно определить, какова она. Очень странно было рассматривать своё лицо такого неопределенного цвета. Когда просто синяк на лице, это не так странно, а вот это общее состояние желтизны с разводами неопределенного цвета уже смешно. И я похихикала с Леей над своей внешностью хамелеона, она сначала стеснялась, но потом весело рассмеялась над моими словами. Как хорошо, что есть такая удивительная девушка, такая спокойная, доброжелательная и просто приятная. Она всегда появлялась в нужный момент, старательно помогала мне во всём, особенно я была рада её присутствию в дни своего ломаного лежания. Видимо Самуил многому её научил в вопросах ухода за больными, да и опыт с Норой многое дал, но она ухаживала за мной как настоящая медицинская сестра. Я не спрашивала её о поездке к Элеоноре и вообще о работе с Олафом, это её работа,

очень важная, да и Андрей рядом с ней. При появлении Глеба она просто исчезала из комнаты, он всё-таки оставался для неё грозным командором. Вот и сейчас она прислушалась и сказала:

– Идет Глеб.

И исчезла. Я гордо стояла у зеркала, чуть покачиваясь на нетвёрдых ногах, и когда Глеб вошёл, сразу заявила, что я уже ходячий больной. Он сразу оценил степень моей устойчивости, подхватил на руки и объявил меня сидячей больной.

– Катя, ты готова говорить с Арно?

– Да.

При этом тяжело вздохнула, и Глеб сразу остановился.

– Если ты не хочешь с ним говорить, встречи не будет.

– Всё правильно, вчера я услышала мнение Олафа, а сегодня пусть будет мнение специалиста по человеческому существованию.

Но Глеб не двигался, сомневался в моём решении.

– Катя, можно поговорить в другой день.

– Я хочу всё... узнать.

Неожиданно для него я кокетливо улыбнулась.

– Я должна удостовериться, что на самом деле молодая.

– Катя, ты не просто молодая. Ты ...девчонка.

Мы вместе долго смеялись над его познаниями языка. Я даже решила, что он фильмы вместе с Виктором смотрит, словарный запас пополняет. Он стал говорить иначе, мо-

жет, конечно, сказывается то, что он совершенно избавился от своей агрессии, которую вынужден был постоянно сдерживать, а может, любовь так изменила его речь. Никогда не думала, что грозный командор, да просто мужчина, может с таким удовольствием говорить о своей любви. В моей прошлой жизни мужчины в лучшем случае говорили о любви один раз, а потом напрочь забывали это слово. Глеб вообще вёл себя иначе – он открыто говорил о своей любви, он её демонстрировал, никогда не стеснялся моего присутствия, он гордился тем, что я рядом с ним. А при посторонних так себя вёл, что ни у кого даже мысли не появлялось сомневаться в его отношении ко мне. Может быть, так вели себя мужчины триста лет назад в Италии? Или общение с поэтами и пиратами так на него повлияло, или титул графа, принадлежность к высшему свету? Или само положение командора и абсолютная уверенность в себе. Почему-то мне кажется, что даже если бы рядом с ним я появилась в этом розовом безобразии, он вёл бы себя так, как будто я в королевском наряде.

И ещё одну мысль я думала, пока Глеб медленно нёс меня по коридорам дома. Он так жёстко остановил меня в очередном страхе, сомнении в его любви, что я даже не знала в первый момент как к этому его поведению относиться. Он всколыхнул моё тело и при этом заявил моей голове, что шаг в сторону – расстрел. Не важно, в какую сторону, главное не отходить от генеральной линии, в смысле начер-

танной командором. Теперь, когда он познал моё тело, поверил в мою любовь, осознал свою, пожалуй, не только шаг, просто взгляд в сторону будет караться самым жестоким образом. Сказал же: раз он решил, что я не буду встречаться с Аароном, значит, не буду. О физическом сопротивлении даже упоминать не стоит, остается кокетство и капризы, убеждение – сомнительно, логика – возможно, но вряд ли, если он посчитает, что эта логика отходит от генеральной линии. Есть только один момент в наших отношениях, когда Глеб сразу отступает и выполняет всё – это мое физическое состояние. Моё хрупкое, как хрустальный сосуд – по сравнению с их телами, могучими и непробиваемыми ничем – тело, зависимое от чего угодно, часто для них непонятно от чего. А в остальном Виктор прав – абсолютная власть мужа. Ну, что ж, посмотрим.

Арно ждал нас в столовой и сразу ослепительно улыбнулся.

– Здравствуй, Катя.

4

Глеб посадил меня за стол, а сам сел рядом, возвышаясь надо мной, давая этим понять Арно, что разговор официальный. Больше никого не было, странно, мне кажется, что Глеб продолжает ему не доверять. Хотя именно Арно сказал о возможностях Сельмы. Или он теперь не доверяет никому,

кроме очень близкого круга?

– Глеб, я прошу у тебя разрешения посмотреть некоторые записи передачи энергии, кроме тех, которые я получил от Лизы.

– Зачем?

– То, что произошло с Катей настолько невозможно с точки зрения физических возможностей людей, что мне нужна дополнительная информация. Если ты, конечно, хочешь понять, что случилось.

– Я хочу понять. Арно, ты сказал Олафу, что я не выгляжу на свой физический возраст. Это ты определил по каким параметрам, по улыбке?

Арно рассмеялся, открыто, жёлтые глаза прямо светились.

– Катя, улыбка у тебя действительно очень красивая, необычная.

– В чем её необычность, улыбка, как улыбка.

– Она естественная, даже когда ты пытаешься что-то скрыть за этой улыбкой, она выглядит естественной.

Глеб скосил на меня глаза и странно посмотрел, интересные новости о его жене. Я решила сразу поменять тему, с улыбкой мы потом сами разберемся.

– И всё-таки, Арно, как это может быть, мне столько лет, сколько есть, ни днём меньше.

– Ты выглядишь значительно моложе своих лет. О твоём молодом сердце я знаю, но дело даже не в нём. Судя по име-

ющим у меня записям, ты и раньше выглядела моложе своих лет, а сейчас, несмотря на все перенесённые тобой физические, и не только физические, страдания, ты с каждым разом выглядишь всё моложе. Я вижу людей иначе, чем все остальные, не только сердце и кровь, я вижу то, что вы, люди, называете аурой, мы её зовем... но это не важно. Если правильнее, то это, конечно, аура, но чуть подробнее, и чуть в другом ракурсе.

Арно опять ослепительно улыбнулся. Медленно прошёл по столовой, сцепил руки, потом растёр их, но остановился, догадался, что Глеб его ко мне не подпустит. Я была готова к очередному осмотру, но сразу поняла, что этот осмотр не входит в планы Глеба. Он сидел рядом и становился всё больше, настоящей скалой, за которой меня вообще скоро вместе с аурой не будет видно. Арно заметил, как Глеб напрягся, но продолжил:

– Я всех вижу иначе, такая у меня способность. То, как изменился Глеб, не имеет аналогов. Так не менялся никто при самых разных передачах энергии, тех, которые я смог обследовать. О физических изменениях я даже говорить не буду, это совершенно уникальные изменения, невероятные способности. Но дело даже не в этом, он получил настоящий дар, дар, который не получал никто – эмоциональный дар любви. У нас есть чувства, это по человеческим меркам можно сравнить с лёгкой влюбленностью, некоторой привязанностью, но в ней больше физической чувственности.

Наша сущность хищника полностью отрицает самопожертвование, отсутствие собственных детей этому способствует. Но то, что произошло с Глебом, совершенно нарушает привычную картину нашей сущности. Я наблюдал за вами, просто Глеб, но и тогда, в ситуации с Вероникой, твоя реакция была не только реакцией командора, готового к нападению, но и реакция мужчины, защищающего свою женщину, ты был готов погибнуть за Катю. А как вы танцевали... я никогда не видел такого единения тел, стремящихся друг к другу, между прочим, хищника и жертвы.

Он продолжал похаживать по столовой, потирая руки, но пересечь установленную Глебом границу не осмеливался. Наконец, резко остановился и опять обратился ко мне:

– Катя, один момент меня поразил. Я видел тебя до, скажем так, покушения Сельмы, и вижу сейчас. Так вот, несмотря на то, что ты едва выжила, твоя аура стала значительно лучше, можно сказать крепче, объёмнее, плотнее. С каждым испытанием ты становишься сильнее. Из того, что я посмотрел, однозначно можно сказать, что с того момента, как ты попала к Глебу, ты стала намного, намного сильнее и эмоционально, и физически. Как будто ты что-то скинула с себя, смысла, что-то разрушила в себе такое, что сковывало тебя, и теперь ты стала настоящей. Физические изменения – это лишь последствия внутренних эмоциональных изменений. И процесс продолжается.

Глеб сразу напрягся, и вопрос прозвучал жёстче, чем он,

видимо, хотел:

– Ты хочешь сказать, что испытания не закончились? Что-то может случиться ещё?

– Совсем не обязательно. Я подозреваю, что самое главное в процессе изменений тела Кати – это её эмоциональное состояние. Всё, что происходило с её телом, это всегда было жертвой, она постоянно спасала тебя, только тебя. О себе мысли не было, но при этом она сбрасывала с себя сдерживающие её оковы, освобождалась в этой абсолютной жертвенности. И в этом освобождении меняется её тело, весь её организм.

Арно облегчённо вздохнул, посмотрел на Глеба странным взглядом, в нём было и понимание, и сострадание, и даже некое подобие зависти.

– Глеб, теперь только от тебя зависит, как эти изменения будут происходить. Как Катя будет себя ощущать рядом с тобой. Оковы сняты, я думаю, даже если и остались какие-то мелкие куски напряжённости, они спадут с неё без всяких кардинальных физических страданий. Насколько она поверит тебе, тебе – самому сильному на данный момент хищнику и любимому мужчине.

Вот тебе и счастье, вот тебе и ответственность, Глеб превратился в каменную статую. Если бы это была не я, всё было проще, но ему не повезло. Я прислонилась к его мраморному плечу и погладила по руке.

– Глеб, вот видишь, всё хорошо, я уже вся здоровая, ну,

почти, я тебе верю во всё.

Он пришёл в себя и посмотрел на Арно.

– Ты уверен, что не будет никаких...

– У меня нет абсолютной уверенности, аналогов нет, вы первые идёте по этому пути. Поэтому я прошу у тебя все записи передачи энергии.

– Арно, у меня ещё один вопрос, Сельма сказала, что наши жизни зависят друг от друга. Неужели срок жизни Глеба зависит от моей короткой жизни? Неужели передача энергии не удалась?

Арно улыбнулся удивительно доброй улыбкой и глаза стали лучистыми-лучистыми.

– Катя, судя по физическим параметрам Глеба, всё удалось. Даже тогда, когда энергию забирают ...по всем законам, ну ты понимаешь, о чём я, и то таких физических свойств ещё никто не получал. И срок своей жизни Глеб увеличил в соответствии с полученными свойствами, то есть даже больше, чем обычно, видимо, много больше. А Сельма, что ж, она говорила вам так, чтобы вы нервничали и действовали по её указаниям.

– Глеб, всё получилось, слышишь, получилось, всё правильно, так и должно быть. Арно, я счастлива, я так боялась, так боялась, ведь, что я – всего лишь человек, сколько той моей жизни, нельзя Глебу от неё зависеть! Теперь мне ничего не страшно, пусть всё что угодно происходит, я ничего не боюсь!

Я стучала Глебу по груди, трясла его за руки, обнимала, а он смотрел на Арно, и его лицо каменело с каждой минутой. Арно выдержал этот взгляд, даже усмехнулся жёстко, я, наконец, заметила эти взгляды и сникла – неужели Глеб ему не поверил, и мне придётся опять ему доказывать, что я его люблю и счастлива за него. Арно встал напротив Глеба и сказал тоном, мало отличающимся от тона командора:

– Глеб, только от тебя и Кати зависит, сколько будет той жизни.

Он помолчал, продолжая смотреть в глаза Глеба, потом неожиданно улыбнулся ослепительно и уже спокойным голосом продолжил:

– Только ты ей не позволяй так говорить, срок её жизни теперь не определён, нельзя так говорить: фраза типа «сколько той жизни» должна исчезнуть. Много, Катенька, много, как решите оба – столько и будет.

И Глеб сделал то, о чём, пожалуй, уже давно мечтал – закрыл мне рот рукой, плотно так, старательно. Ещё догадается шарфиком или скотчем заматывать. Я замычала от возмущения, а Арно добавил:

– А мысли ты будешь контролировать сама.

Тут уж Глеб ничем мне помочь не сможет, я подняла на него глаза и закивала головой: согласная, на всё согласная, буду правильно думать. Глеб мне не поверил, но руку убрал, всё равно мыслить я могу и с закрытым ртом.

– Хорошо, ты получишь все материалы, будешь смотреть

здесь.

– Глеб, я всё понимаю и прошу лишь об одном – обсудить всё с Олафом, наши мнения могут привести к настоящему выводу. Мы с ним видим ситуацию с разных сторон, но вывод должен нас объединить. И ещё, нам очень поможет Самуил.

– Олег.

Олег появился сразу, как будто ждал приглашения.

– Покажи Арно и Олафу все имеющиеся у нас материалы. При необходимости вы с Самуилом можете прокомментировать вопросы.

Решение командора, да конечно – смотри и обсуждай, но под бдительным надзором Олега, который может отправлять картинки заседания штаба командору непосредственно. Арно улыбнулся понимающе, но у него была ещё одна просьба:

– Мне нужно почувствовать ауру Кати.

С очень большой неохотой Глеб приподнял мою руку и протянул её Арно. Но тот отрицательно покачал головой:

– Отдельно от тебя, только её. Ты слишком сильно покрываешь её своей энергией.

Я решительно освободилась от рук Глеба – он позволил, но был недоволен – встала и, слегка покачиваясь, подошла к Арно. Интересный взгляд, внимательный, но, казалось, он не меня видит, что-то вокруг меня, интересное, очень интересное. Осторожно взял за руку, едва касаясь, как будто он

обжигается о мою кожу. Вскинул на меня глаза, совершенно жёлтые, практически без зрачка и почти шёпотом спросил:

– Откуда это в тебе?

– Что?

– На тебе защита, очень сильная защита.

Оглянувшись на Глеба, я только пожала плечами, может быть это его энергия осталась на мне, но Арно покачал головой, нет, это не его энергия. Арно уже сильнее потрогал мои пальцы, даже посмотрел мои зрачки, оттянув веко, как глазной врач. Потом хмыкнул и прошептал про себя:

– Это может быть только еда, хотя непонятно, а что ты ешь?

– Всё, меня кормят здесь.

Арно произнёс какое-то название на латыни, и я сделала большие глаза, вот уж латынь я точно не знаю. Другие языки тоже. Глеб оказался рядом со мной, обнял и грозно посмотрел на Арно. Ему пришлось объясниться:

– Такое ощущение, что вокруг Кати как дополнительный кокон защиты, Глеб, не волнуйся, он ей не мешает, он не позволяет ей терять энергию. Только волноваться сильно нельзя, тогда она сама его разрушит.

И мы с Глебом одновременно посмотрели друг на друга – Вердо. Глеб сразу затребовал хлеб и Арно долго его нюхал, как Олаф катал шарики, потом утвердительно качнул головой:

– Да, это она.

И снова повторил латинское слово. Поводил рукой над хлебом, опять качал головой, хмыкал, удивлялся, наконец, спросил:

– А кто его приготовил?

– Садовник Вердо.

– Хороший садовник, эта трава очень редкая, растет только в Италии, в одном из горных районов. Мало кто знает о её способности восстанавливать нервную систему и создавать защитный кокон. Мне бы хотелось с ним познакомиться. Катя, тебе очень полезно есть этот хлеб.

Командор сделал такое лицо, что мне пришлось подергать его за руку, чтобы Арно не сдуло от его недовольства.

– Глеб, все говорят, что мне полезно есть этот хлеб, пусть Арно посмотрит, что ещё Вердо добавляет кроме этой латинской травки. Я там ещё ветчину ела, может, она тоже полезная.

Кивнув Олегу, Глеб дал разрешение – пусть встречаются. Но прежде Арно придётся рассказать, что он узнал обо мне по руке и ауре, кроме защитного кокона Вердо. Арно был готов:

– Катя, тебе сейчас, судя по состоянию ауры, лет тридцать, только в больном состоянии тела. Я не буду вдаваться в подробные объяснения, но и так понятно – после всего, что с тобой случилось, твоему организму необходимо восстановиться, костной системе, мышечной и эмоциональной.

– А что с моими эмоциями, я чувствую себя отлично, ну,

когда ничего не болит в организме. С эмоциями у меня всё в порядке.

– Тебе не хватает внешних впечатлений, которые дополнительно влияют на всю нервную систему.

Не дав мне времени осознать слова Арно, Глеб решительно заявил:

– Всё понятно. Арно, Олег тебе всё покажет и отведёт к Вердо. Поговорим вечером.

Только успев кивнуть головой, я оказалась на руках Глеба и через мгновение лежала на своей кровати. Командор уже что-то успел решить, осталось узнать – что, всё-таки решение касается меня.

Глеб стоял у окна и смотрел в сад, стоял уже долго. Я чувствовала, что он о чём-то очень серьёзно думает, настолько серьёзно, что даже не подходит обнять меня. И решила не мешать ему, пусть думает, теперь вся ответственность на нём, всё зависит от него, как я себя буду чувствовать и сколько жить. Так странно, вот и наступил в моей жизни момент, когда всё в ней зависит не от меня. Но ещё более странно то, что я не сопротивляюсь этому, не пытаюсь что-то решать, советовать, хоть как-то участвовать в принятии решения, лежу и жду этого самого решения. И приму его, на самом деле приму, как бы Глеб не решил, даже если он запечатает меня в сейфе. Буду там сидеть, и ждать его.

Наконец, Глеб обернулся ко мне и спросил:

– Катя, ты веришь в меня?

– Верю и всегда верила.

Он мгновенно оказался рядом со мной и, взяв ладонями моё лицо, посмотрел чёрными глазами, тихо спросил:

– Любишь меня?

– Люблю. Любила всегда, мне кажется, что я родилась с этой любовью. Увидела тебя и просто узнала, поняла, что это ты.

Я смотрела в его страшные глаза и понимала, это его страх за мою жизнь сейчас ломает, опять эти мысли – достоин ли он моей любви, сможет ли он меня спасти непонятно от чего, глупый грозный командор. Провела пальцем по его потрескавшейся коже лица.

– Ты от мыслей своих глупых такой страшный стал, ужас. А мне запрещаешь думать глупости, это потому, что я такая же страшная становлюсь?

Глеб опустил голову и прижался к моему плечу, а обняла его и поцеловала потускневшие волосы.

– Немедленно приведи себя в порядок, я хочу гулять в саду, смотри, какое солнце.

И опять я поразились их способностям: поднял голову уже совершенно нормальный Глеб, глаза синеют, кожа совершенно нормальная, волосами встряхнул, и уже красота.

– Глеб, я вот стану красивой-прекрасивой...

– Ты сейчас уже красоты невероятной, оставайся такой, а то я ослепну.

Он поцеловал меня так бережно, что я была совершенно

разочарована, но решила пока ничего не говорить, ему ещё надо понять, что моя любовь ничего не боится, ничего-ничего, особенно когда борется за его жизнь и любовь.

Глеб нёс меня по саду и нас сопровождали боевики, солнце уже было совершенно весеннее, яркое, тёплое, ласковое. Так интересно, он шёл медленно, обнимал меня, а я махала в разные стороны руками, хваталась за ветки, нюхала, выбрасывала, а боевики подбирали. Я даже хотела спросить Глеба, зачем они это делают, но потом одумалась, а вдруг это их собственная инициатива: прицепят к лацкану пиджака, и будут гордиться – веточка, которой касалась жена командора. И развеселилась, картина удивительная. Идёт громадный Глеб, несёт на руках меня в шубке, а вокруг десять – я долго их считала – боевиков кругом идут в своих костюмах мафиози. Глеб продолжал думать, иногда прижимая к себе и нечленораздельно отвечая на мои махания в сторону деревьев и облаков. Ну что ж, тогда будем веселить публику в лице боевиков.

– Глеб, я давно ничего не пела, такое солнце, хочется что-то помурлыкать, да и песенку про себя вспомнила.

Он так обрадовался, что я вся встрепенулась, наконец-то отвлёкся от мыслей командорских. Сразу нашёл какую-то скамейку и сел на неё, удобно устроил меня на коленях. Боевики сделали вид, что спрятались за деревьями.

– Только я давно уже не пела, да и...

– Катя, ты всегда хорошо поёшь.

Безответственно кивнув, а как же ещё, я негромко запела песню своего детства. Её часто исполняли по радио, я её так и запомнила. Тем более, что она обо мне.

Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша, на высокий берег на крутой.
Выходила, песню заводила про степного сизого орла,
Про того, которого любила, про того, чьи письма берегла.
Ой, ты, песня, песенка девичья, ты лети за ясным солнцем
вслед

И бойцу на дальний пограничный от Катюши передай
привет.

Пусть он вспомнит девушку простую, пусть услышит, как
она поёт,

Пусть он землю бережет родную, а любовь Катюша сбере-
жёт.

Закончив петь и отдышавшись, да, очень сказываются повреждённые мышцы, связки, видимо, тоже пострадали, я посмотрела на Глеба и замерла. Командор принял решение: спокойное лицо, и было ясно, что стояло за этим спокойствием – понимание задачи, путей её решения... и абсолютная уверенность. Что-то он понял в этой старой песне для себя, что-то такое, что поставило всё на свои места в его жутком страхе за меня, за мою жизнь. Но ещё большее удивления меня ожидало, когда я увидела лица боевиков. Точно, вот они

пограничники. Я улыбнулась им, тем, которые стояли совсем рядом, и у одного из них увидела веточку на лацкане пиджака! Нашу границу никто не сможет нарушить, ещё на подходах разнесут на молекулы от одного намерения. Неожиданно я смутилась своим мыслям о крутых боевиках с веточкой на лацкане, но почему-то была уверена, что не стали бы поднимать, если она для них ничего не значит.

– Катя, я люблю тебя.

Глеб погладил меня по голове и чмокнул в макушку. Боевики его совершенно не смущали, он их даже не замечал.

– Даже такую серобуромалиновую?

– Такую особенно, ты всегда удивительная, а теперь ещё и по цвету от всех отличаешься. Жаль, уже бледнеет, но я запомнил все моменты.

Я стукнула его по груди и ойкнула, он сразу подул на кулачок и всё прошло. А всё-таки, что боевики думают, когда видят своего грозного, страшного командора, когда он дует на кулачок жены-человека, стукнувшей его? Пора заходить в дом, а то Глеб уже неприлично обниматься начал.

В доме мы встретили Арно, у него лицо было как у человека, проглотившего ежа. У меня такое было, когда я три дня кричала от боли, я знаю. Олег сопровождал его с лицом сфинкса, видел уже всякое, ему не страшно. Он кивнул Глебу и предупредил:

– Арно часть записей посмотрел, идём к Вердо.

Глеб ответил голосом командора:

– Жду через час.

И естественно меня сразу уложил спать. Никакого сопротивления и воплей: я просто в окно посмотрю, может, я в бассейне с Леей искупаюсь. Только спать, причем кардинально, уколom, вдруг не вовремя проснусь. Самуил тоже был рад меня уложить, слишком беспокойная больная – ходит без разрешения, купается как рыба, уколы не делает, ест, что попало.

Меня разбудили губы, они щекотали меня, целовали нежно, дышали в ухо. Я помахала ручкой, они её тоже поцеловали, пальчик за пальчиком, пришлось открыть один глаз, они и его поцеловали. Я прошептала:

– Привет.

– Привет, сонная красавица, королева сна.

– Ага, сам в этот сон послал.

– Люблю на тебя сонную смотреть.

– Ужас, не смотри, кошмар, а не лицо.

– Ты прекрасна. Я всегда любил смотреть, как ты спишь.

Подглядывал.

Махнув рукой, я попала Глебу в нос, и он тихо засмеялся.

– Такой ты и есть, совершенно неприлично себя вёл.

– Ты моя жена, закон разрешает.

А сам осторожно обнял и прижал к себе.

– Хочу в бассейн, плавать и плавать.

– Хорошо.

Но не голый же! Он перенёс меня в бассейн прямо в одея-

ле и осторожно опустил в воду. Я сразу проснулась и сказала ему всё, что вылетело от неожиданности, а он сидел на бортике и улыбался. Но вода была теплой, розы нежно касались кожи, а свечи весело подмигивали мне, я постепенно успокоилась и с удовольствием нежилась на лёгкой волне. Вот почему нельзя дать мне спокойно переодеться в купальник, и тихо, мирно перенести в бассейн? Нет, надо голой закинуть в воду, а теперь сидит, улыбается.

– Глеб, скажи, а когда я в том доме купалась в бассейне, ты тоже за мной подглядывал?

– Иногда.

Ну да, ну да, помогало с агрессией бороться. С трудом я выбралась из бассейна и затребовала доставить ценное тело в комнату срочно одеваться. Но срочно опять не получилось из-за поцелуев и нежностей. Страсть овладевала им, однако я ещё выглядела не совсем того цвета, и Глеб держался. Вот так, нечего было голой мной кидаться.

В столовой опять сидели все, и Арно. Так как выяснилось, что я проспала почти сутки, это был обед. Глеб обеспечил себя временем для спокойного решения всех командорских дел. Мы с Самуилом быстро поели в полной тишине, Арно смотрел на меня совершенно круглыми жёлтыми, как у совы, глазами, а остальные только улыбались. Хлеб Вердо Самуил есть не стал – сказал, что всё для меня, и я поедала его с большим удовольствием. Глеб сидел рядом со мной, возвышался, как скала, молча курил и поглаживал мою коленку

под столом. И, конечно, никто этого не замечал. Олаф улыбался, тоже делал вид, что не замечает, но улыбка была уж слишком мужской. Я смутилась и решила начать заседание штаба, не пинаться же с мужем перед всеми.

– Как дела, Арно? Ты узнал, что хотел?

– Да, мне показали всё. Сразу хочу тебя успокоить, хлеб для тебя очень полезен. Я переговорил с Вердо, и он обещал помочь тебе с травами, то есть он приготовит для тебя специальный хлеб, насыщенный всеми необходимыми для тебя компонентами.

Это известие меня порадовало, очень уж вкусный хлеб, да ещё и полезный оказался. На моей мягкости это не должно отразиться, хотя всё зависит от количества. Арно улыбнулся, заметив мою радость, и продолжил:

– Катя, то, что я увидел, не просто поразило меня, это перевернуло всё, что я знаю о передаче энергии. Ты не просто выжила, ты изменилась сама, изменился Глеб, изменились все, кто был рядом с тобой. Даже Аарон, этот столп, изменился уже в первую встречу. Я его не видел очень давно, поэтому все изменения заметил сразу. А как изменился Глеб, я тебе уже говорил. Нет нужды рассказывать, какие он получил физические возможности, некоторые ты не сможешь даже понять, и в этом нет необходимости. Таких возможностей не получал никто. И это ты.

– Я? Почему я?

– Это в тебе была сила, которую ты передала Глебу. Твоя

любовь преобразила энергию, которую получил Глеб. Твои эмоции, наполненные любовью, кровь, добровольно отданная, была наполнена любовью и... вся агрессия преобразовалась в силу и возможности. Ты каждый раз отдавала всю свою любовь через боль и кровь, и каждый раз возвращала её. Ты теряла память, отдавала все свои эмоции, всю свою кровь, всю любовь через боль, страдание и снова любила.

– Любовь – это боль.

Глеб схватил меня на руки, но я лишь качала головой, всё хорошо, это только слова.

– Глеб, всё хорошо, мне хорошо, отпусти.

Он уселся со мной на диване, обнял и спросил:

– Почему? Почему любовь – это боль?

Я так лихорадочно вздохнула, что Самуил кинулся ко мне:

– Катенька, что с тобой, дыши, немедленно дыши! Глеб, что случилось, ты сильно её держишь, Катя, дыши!

Он отпустил руки, но я лишь качала головой и пыталась отдышаться, спазм настолько свёл горло, что вздох не получался. Стремительно появился Олаф и взял меня за руку, сразу стало легче.

– Всё... я дышу... это... спазм... всё хорошо, о-ох, все хорошо.

Какое-то время я дышала, слабо улыбаясь всем, они оказались рядом со мной и стояли, готовые немедленно что-то делать. Наконец, ещё раз глубоко вздохнув, я заявила:

– Дышу правильно, всё прошло.

Посмотрела на них и готова была расплакаться от этой их готовности помогать мне. Придётся сказать, нельзя их обманывать.

– Тогда, ну, когда я тогда... когда... энергию... я думала, ну, когда могла думать. Там такая Пустота страшная, ничего кроме боли, пустота из боли. И только я в этой пустоте, никого нет. И я ...решила, ну раз никого нет, значит, надо с ней свыкнуться, полюбить её, она и станет родной и любимой, какая бы невыносимая и ужасная... всё равно никого же больше нет, только она. И я поняла, что любовь такая же боль, но мы же любим свою любовь, значит, любим боль. Любовь – это боль.

Я говорила, но смотреть ни на кого не могла, уткнулась Глебу в грудь, почти шептала, мне казалось, что я говорю что-то не то, опять жалуюсь на боль, которую когда-то перенесла, но ведь именно тогда я и подумала эту мысль. Глеб гладил меня по голове, какими-то странными механическими движениями, а я сжалась в комочек и только прижималась к нему.

Самуил осторожно взял меня за руку и погладил робкими движениями, рука его подрагивала и голос дрожал:

– Катенька, девочка, ты прости нас, за всё прости, всё уже прошло, всё, мы любим тебя, все любим. Ты с нами, нет пустоты, Глеб с тобой, мы с тобой.

Мне хотелось успокоить его, но ничего не получилось, горло отказывалось говорить, и я только кивнула. И вдруг

послышался голос Арно, голос учёного, получившего ответ на свой самый интересный вопрос:

– Катя, ты в своей любви полюбила боль. Ты передавала энергию Глебу, умирала от боли и любила эту боль. Он получил энергию вместе с твоей любовью. Она заглушила всю его агрессию и преобразовала её в эти возможности.

Рука Глеба остановилась в механическом движении поглаживания моей головы, и послышался его глухой голос:

– Катя, ты любила боль из-за меня?

– Я... я... знала... так должно быть, понимала, что твоя жизнь зависит от меня.

Наконец, я решилась поднять глаза и увидела чёрные провалы вместо глаз, поникшие лица и улыбнулась:

– Всё прошло, у вас будет не так, я знаю.

Откуда я эти слова взяла, почему так решила? Но пусть будет так, пусть у них будет легче, пусть их женщины не будут переносить всё, что перенесла я, они заслужили настоящую любовь без этих мук, моих и Глеба. И я готова всё ещё раз перенести, только чтобы у них всё было хорошо.

– Катя! Остановись! Молчи!

Олаф кричал, и все вздрогнули от его крика, Глеб сразу прижал меня к себе, укрыл всю своими руками.

– Не смей! Не смей так думать! У каждого своя судьба, а ты свою сама сделала! У них свой путь, и ты за них муки на себя взять не можешь!

И все опять на меня посмотрели, догадались о моих мыс-

лях, и, пожалуй, сейчас бить будут, судя по выражению глаз. Олег грозно заявил:

– Как тебе кнопку ту выключить, придумала тоже страдания себе за нас.

Картинку увидел, точно, уж больно недоволен. Я сильнее прижалась к Глебу, совсем спряталась. Спокойным остался только Арно, тоном лектора перед студентами объяснил:

– Катя, ты готова всем им свою любовь отдать, на всё готова ради них, вот тебе судьба даёт жизнь и срок неопределённый, организм тебе меняет, даёт молодость и красоту, хотя ты и так девушка красивая. Ведь ты ничего не просишь, ни денег, ни драгоценностей, условий никаких не выдвигаешь. Тебе судьба и так даёт всё.

И вдруг рассмеялся, весело, облегченно, чувствовалось, что и он нервничал.

– А как ты Аарону пощёчину влепила! Пока не увидел, не понимал, почему он вдруг...

Хохот потряс дом так, что точно полетела вся система охраны, только боевики устояли. Даже Глеб смеялся, прижимал меня к себе и хохотал. Олег что-то пытался добавить, но его никто не слушал, всё напряжение разговора выходило этим смехом. Самуил прижимал руки к груди и кивал головой, смеялся тихонько, а Олаф смеялся громко и широко размахивал руками. Только Андрей улыбался и смотрел на меня совершенно как мальчик – восхищённо и радостно.

И началось. Оказалось, что каждый мой шаг – это подвиг,

у всех нашлось, что обо мне рассказать. Естественно, куда без комментариев Виктора, это был его очередной звездный час. При этом удивительным образом никто в своих рассказах не коснулся моих физических страданий, оборачивали всё так, будто я только их и спасала, ну, изредка воспитывала.

Арно с удивлением наблюдал за этим буйством: особенно поражал Олег, видимо таким он его никогда не видел, даже представить себе не мог, что такой всегда выдержанный, немногословный, даже мрачный, может в красках, размахивая руками рассказывать о моих поступках. Виктор тоже удивлял, но меньше, в нём и раньше проскальзывала ирония, как-никак аналитик, правда такого звёздного часа он от него всё-таки не ожидал.

Глеб смеялся со всеми, но при этом его руки жили отдельной жизнью. Они обнимали меня, и пальцы чуть подрагивали, совсем немного, но я чувствовала кожей это лёгкое дрожание, признак сильнейшего волнения командора. Руки двигались по моему телу, казалось, они старались закрыть меня собой от любой опасности, но их не хватало на всё мое тело, иногда он даже закрывал меня своими плечами, чуть наклоняясь вперед. Только я понимала это движение, настоящее его назначение.

Смех, рассказы и обсуждения продлились до ужина, и мы с Самуилом дружно ели под комментарии Виктора о моей любви к тортикам и зависимости от них всех жителей

дома. На что Самуил резонно ответил, что женскому организму сладкое показано медициной, но и он с удовольствием бы сейчас съел чего-нибудь сладенького. Глеб произнёс какой-то звук и в столовую внесли произведение искусства из мармелада.

– Подарок от Вердо.

– Это приготовил он?

– Какие-то травы и ещё что-то.

Олаф сразу подтвердил:

– Я наблюдал за приготовлением, посмотрел все травы, которые он использовал, всё в порядке.

И как это едят? Слои мармелада образовывали озеро, или часть моря, с волнами, крутым берегом и домиком с белыми стенами под красной крышей. Самуил решил на себе испытать, вдруг что не так. Маленькой ложечкой он отковырнул часть волны и остался очень доволен, но доложил, что так и не понял вкуса, что за трава. Я решила не выяснять, что за луг скопил Вердо, чтобы приготовить эту красоту и вкусность и просто поела волны и берега с лугами, домик рушить было жалко. Но в домике оказался сюрприз: когда Самуил не выдержал и съел крышу, там оказалась настоящая роза, совершенно раскрывшаяся и источавшая необыкновенный аромат. Только Глеб не позволил мне её взять, просто достал её из домика и положил рядом с Самуилом, вроде как – кто крышу вскрыл, тому и роза. На удивление Самуил весь вечер с удовольствием вдыхал аромат, даже по-

кусывал лепестки.

По ходу разговора было решено навестить Вердо и сказать ему спасибо – ну, это мы с Самуилом решили – командор звуков не издавал, уже хорошо. Арно за весь вечер больше не сказал ни слова, сидел в уголочке и наблюдал за всеми, особенно за мной и Самуилом, всё-таки специалист по людям. Глеб тоже больше молчал, казалось, он всем телом ко мне прислушивается, как я себя чувствую, реагировал на каждое моё движение, от кого защищал непонятно. Наконец, он не выдержал, объявил, что мне пора спать, и я со всеми попрощалась, помахала ладошкой, чем привела Арно в состояние шока, и чему удивляется всё время? Все местные только улыбнулись мне в ответ.

5

Глеб меня ревнует. Эта мысль меня поразила так, что я долго не могла её принять. Когда он начал задавать вопросы, а мы сидели у окна на полу, и я уже почти засыпала на его руках, то какое-то время я что-то ещё отвечала: вкусный мармелад, да понравился, да очень, почему бы и не сказать спасибо. Сначала мне казалось, что Глеб просто интересуется, как я себя чувствую после такого количества съеденного сладкого, не вредит ли мне, как травы повлияли на меня, но потом догадалась, что эти вопросы касались моего отношения к Вердо. Не сразу поняла, что это обычная мужская

ревность. Я подняла голову и посмотрела на него одним глазом, второй уже спал.

– Глеб, ты с ума сошёл?

– Почему?

– Это лишь вкусность, травки для моей пользы в исполнении Вердо. Ты знаешь, как я люблю поесть, Вердо...

– Мужчина.

– Ага, а вокруг меня одни мужчины. Глеб, мы это уже проходили. А ещё боевики мужчины, бойцы мужчины... столбы тоже.

Он обнял меня и стал качать как ребенка.

– Я люблю тебя, только сегодня я понял, что ты перенесла ради меня. Тогда был страх, что ты не выдержишь, ужас от твоей боли, твоего крика, постоянного крика, он до сих пор...

– Глеб, всё в прошлом, я не хотела вспоминать, я уже забыла всё.

– Ты не забыла, твоё тело помнит, ты сегодня опять всё пережила за один момент, чуть не задохнулась от воспоминания. Я не знаю, что такое боль, я только могу это представить, а такую боль твоего тела, такого мягкого и хрупкого, нежного, совершенно невесомого, я даже представить не могу. И когда ты говоришь, что полюбила боль в той пустоте потому, что ты одна, значит, меня там не было.

– Не было.

– Но ты же это всё перенесла ради меня, почему меня там

не было?

– Потому, что я не верила тебе, не могла поверить, что ты можешь меня полюбить и страдать вместе со мной.

– Ты просто отдавала себя этой боли?

– Да. Больше тогда я никому была не нужна, только этой боли. Не так, я отдавала себя ей, чтобы она тебя спасла.

– Хотя мне не верила?

– Не верила. Тебе была нужна моя жизнь, я её отдавала. Глеб, это любовь, она отдает и всё. А сейчас я тебе верю, ты со мной, и в боли со мной. Я смогла тебе пожаловаться, как у меня всё болело, а раньше не могла.

– Ты никогда не говорила, как тебе было на самом деле.

– Зачем? Говорят только тогда, когда знают, верят, что поймут, разделят с тобой эту боль. Тогда я знала только одно – я люблю тебя, а тебе нужна моя жизнь. А любовь была только моя, и боль была только моя.

– Вся твоя боль моя. А моя любовь твоя. И я твой.

– Боли больше нет.

– Я всегда с тобой, никуда не отпущу, никому не отдам. Ты моя.

И я поняла, это ревность от страха за меня, внутреннего ужаса, настоящего, впервые осознанного этим суперсверхчеловеком, никогда не знавшим страха ни за себя, ни за кого-либо другого. Вообще никакого страха.

– Глеб, я люблю тебя. И я твоя.

Потянулась к нему и поцеловала, поцелуй прощения и по-

нимания. Понимания этого страха, страха меня потерять – он столько раз видел, как я могла исчезнуть физически от своих страданий, просто их не выдержать – то теперь боится потерять меня и умом. Вердо человек, и я не страдала из-за него, не умирала за него, только так я могу объяснить эту ревность именно к нему. Все остальные ревности были от внутренней боли и неверия в себя и в меня, в общем – несерьёзные. Если считать, что все те, кого он ревновал, спасали меня для него, и где-то глубоко внутри себя он это понимал.

Глеб целовал меня нежно, хотя страсть уже проявилась, но страх ещё владел им, страх за меня. Я прошептала, едва касаясь его губ:

– Я только твоя, вся твоя, вся, вся.

Только осязанием тела сейчас можно отвлечь его от этого страха, тело понимает иначе, оно точно чувствует любовь, оно ощущает внутренний жар, который никогда не обманывает. Глеб любил меня под лучами яркой весенней луны, наши тела озарялись этим мягким прозрачным цветом полутонов и сами казались источником своего внутреннего света, света энергии любви.

– Я люблю тебя, всю, всю.

– И мою вредность тоже?

Он не сразу понял значение этого слова, думал, поглаживал меня по спине, удобнее устраивал на себе. Наконец решил, что раз вредность непонятная моя, значит, любит.

– Всю.

Я захихикала, не буду объяснять, пусть думает, что это что-то очень хорошее. Зря надеялась – утром наблюдая за мной в бассейне и покуривая сигарету, с улыбкой сказал:

– Мне твоя вредность особенно нравится – это настоящий твой характер, невозможность отступить от важного для тебя, даже если это каприз.

Ясно, уточнил значение слова, обдумал и сделал вывод. Я только хмыкнула, ну да, а в жизни моя вредность жестоко карается насильственным сном или игнорированием. Хотя не всегда же, бывают и понимания. Возвращая меня в спальню, медленно переходя из комнаты в комнату, Глеб неожиданно спросил:

– Хочешь с Аароном встретиться?

– Хочу, а что запрет снят?

Глеб только улыбнулся и прижал меня к себе, нравится моя вредность. Завтрак был практически на ходу, никого не было, все разъехались по делам, Глеб естественно, не стал уточнять по каким, просто сказал:

– Все уже уехали.

И мы поехали. Удивительное время весна, а весна в Италии – особенно. Ароматы плавали в воздухе, ещё только чуть проявились листочки, даже не листочки, а острые кончики этих будущих листочков, даже дымки зеленой нет, а уже чувствовались ароматы будущих фруктов. Мы ехали в машине, в окружении машин-танков с охраной, и я вдыхала разнообраз-

разные запахи, водила носом из стороны в сторону, и улыбалась каждой новой нотке в общей волне аромата. Солнце заполняло всё вокруг, и зелень лугов ярко слепила глаза, кажется, что трава выросла за ночь. Глеб наблюдал за мной странным взглядом, восхищённым и ещё каким-то, очень своим, мне непонятным. Всю дорогу я восхищалась окружающими видами, вертелась, пыталась что-то показать, чему ремень безопасности мешал, но мои требования отцепить меня Глеб игнорировал улыбкой.

Аарон стоял на берегу, я даже не сразу заметила его, поражённая совершенно неповторимым звуком моря и волной невероятного аромата, просыпающейся после зимы воды. Я громко поздоровалась с морем, махала ему руками, что-то вопила невозможным для человека голосом и обещала скоро прийти купаться. Глеб улыбался, ловил меня в особо опасные моменты, чтобы я не улетела в это самое море с крутого берега. Наконец, я глубоко вздохнула всей грудью и заявила:

– Глеб, а когда море согреется до температуры купания?

– Но ты и зимой плавала, тебе ничего не страшно, поэтому будешь купаться в бассейне.

Только я собралась возмутиться, как увидела Аарона. Он стоял в нескольких шагах от нас и смотрел восхищённым взглядом. И я сразу подошла к нему.

– Здравствуй Аарон, рада тебя видеть.

– Катя, здравствуй.

Он сильно изменился, куда делась мрачность и тяжёлый

взгляд. Прежний Аарон – яркие жёлтые глаза, гигантский рост и улыбка, даже похорошел как-то. Глеб встал рядом и положил мне руку на плечо, Аарон проследил взглядом за этим движением, и что-то в этих невероятных глазах изменилось, проявился какой-то мгновенный блеск. Но он сразу улыбнулся мне и спросил:

– Как ты живёшь?

– Хорошо, вот с морем и с тобой приехала встретиться, воздуха глотнуть. Нам не удалось тогда с тобой встретиться, я немного приболела.

– Я знаю. Олаф мне всё рассказал.

Глеб никак не отреагировал на эти слова, и я поняла, что разрешение было дано. Аарон рассматривал меня, моё лицо, мои руки и видел, что цвет кожи был ещё не совсем здоровым, чуть полосатым от многоцветности. Я решила прекратить это обследование, подтверждающее мои страдания и спросила:

– Ты хотел поговорить со мной о Норе, что ты хочешь знать?

– Я готов с ней говорить.

– О чём?

– О нас.

Пожалуй, я слишком скривила лицо и сжала губы.

– Нас, это – что?

– Я сделал ей предложение.

– Я знаю. Нора мне сказала на балу. Понятно – зачем,

непонятно – почему.

Стоять рядом с ним было неудобно, шея затекла сразу, и я чуть отошла от него, Глеб понял меня и подхватил на руки. И опять у Аарона изменились глаза, только он смотрел уже на Глеба, в них опять промелькнул блеск и сразу угас.

– Я хочу... говорить с ней, узнать её, понять. Видеть каждый день, каждую минуту. Быть рядом с ней.

– И как ты сможешь себя держать каждую минуту?

Почему-то Аарон не ожидал от Глеба этого вопроса, вскинул на него глаза, и они сразу потухли, потемнели. Аарон резко отвернулся от нас и стал смотреть на море. Мне не хотелось напоминать ему судьбу Элизабет, но и Нору подвергать опасности нельзя.

– Аарон, я поговорю с Норой, но уверенности в тебе у меня нет, однажды ты уже потерял свою любовь.

Он сжал плечи и опустил голову, пальцы сами собрались в кулаки, но смог взять себя в руки. Я смотрела на него, и во мне не было жалости к нему, я уже знала, как с собой боролся Глеб. Аарону придётся сначала понять за что он борется, а потом за это бороться.

– Ты хочешь познать любовь, а что она для тебя?

– Моя жизнь.

По моей кривой усмешке Аарон сразу понял, что это совсем не то, что я ожидала услышать. Но пока у него не было другого ответа, однако появился вопрос, который он осознал для себя. Глаза посветлели, в них появился знакомый блеск

и кулаки разжались.

– Я хочу понять, что я для Норы. Но я...

– Ты можешь с ней встретиться, но я должна быть уверена в тебе.

А командор всё уже продумал, или решил давно, только никому не говорил:

– Нора приедет к нам сегодня вечером, можешь встретиться с ней у нас.

Я восхищённо посмотрела на Глеба – какой у меня муж умный, и Норе будет спокойно и Аарону легче. Хорошо, что и я буду присутствовать при разговоре. Аарон облегчённо вздохнул, у меня сложилось впечатление, что он не ожидал от Глеба такого понимания, уж очень напряжён. Однако оказалось, что Глеб ещё и решил, что разговор на этом закончен:

– Ждём тебя к ужину.

И всё, машина и скорость истребителя. Я смотрела в окно и думала о том, как Глеб умеет всё продумать и организовать, он шёл на встречу с Аароном уже с готовым предложением. Он понимал, что я буду переживать о Норе, но при этом попытаюсь дать им возможность встретиться и сразу высказал единственно возможное решение. Как хорошо он меня уже узнал, и, пусть не открыто, но принял мои желания, какие-то женские переживания и стремления. А может сам хочет помочь Аарону, ведь тот помогал нам, шёл навстречу, хотя и был таким другом-врагом. И боевиков взял с собой – не потому, что это было беспокойство, понятно, что сейчас

Аарон значительно слабее Глеба, особенно с этими его новыми непонятными способностями – это была демонстрация. Он демонстрировал Аарону своё сомнение в нём, его способности сдержаться при мне. Боевики стояли кругом в нескольких шагах от нас, как строй мечей, спокойные, даже невозмутимые, но было ясно – одно неосторожное движение Аарона и эта невозмутимость мгновенно превратится в стремительное движение.

На обед Глеб увёз меня неизвестно куда на сумасшедшей скорости, ехал, оглядывался на меня с улыбкой, и только скорость увеличивал. Мне стало интересно – ни одной встречной машины, видимо, на том конце шлагбаум поставили с предупреждением, что едет Глеб. Он тоже радовался солнечному дню и весенним запахам новой жизни, глаза светились, и улыбка становилась всё шире.

Обожаю итальянцев, у них столько святых и праздников, такое чувство, что каждая деревня восхваляет не только всех канонизированных святых, но имеет ещё и своих деревенских. Жители были уже сыты и пьяны, поэтому очень нам обрадовались. Оглянувшись, я не увидела машин сопровождения, вздохнула облегчённо.

Глеб на руках отнёс меня к столу, чем вызвал громкие восхищенные аплодисменты и крики, к столу приставили невероятных размеров стул, и Глебу пришлось меня на него усадить. Ему сразу преподнесли огромный бокал, больше похожий на литровую банку, но Глеб сделал какой-то жест, ска-

зал короткую фразу и мужчина с бокалом замер, а потом сделал такое лицо, в нём было столько искреннего мужского сочувствия, что казалось, он сейчас заплачет. Мужчина обернулся к столу и сказал всего лишь одно слово, но оно повергло в уныние всех мужчин, они кивали друг другу головами и сочувствовали Глебу. Я удивлённо посмотрела на него и увидела такое же уныние на лице – он сам себе сочувствовал. Но итальянцы не могут долго предаваться грусти, они опять громко заговорили и преподнесли мне такой же, как Глебу, литровый бокал. А потом принесли большой деревянный поднос с едой, и я поняла – моя мягкость не уйдет никогда, она будет радовать Глеба ещё очень долго. А вино! Лёгкое, совершенно прозрачное, как вода, слегка цитрусовое, но при этом с явным цветочным ароматом и послевкусием. Пожалуй, Глебу придётся меня удерживать от второго бокала. Но он был совершенно спокоен, и ему ничего больше не предлагали даже из еды. Он сидел рядом, улыбался всем, кивал головой на тосты, курил и наблюдал за мной. Я решила потом узнать, что он такое сказал, почему ему все так сочувствовали и сразу от него отстали с предложением выпить и даже поесть вместе со всеми. А всё потому, что еда была вкусной невероятно, удивительный сыр, пористый, мягкий, ароматный, пахнувший весенней Италией. Ветчина, какая-то колбаса, острая, но при этом сливочная, как бы сладкая, а мясо на булке, да ещё и политое соусом из винограда, когда ягоды гордо лежат на кусках!

– Ты как?

– Тебе придётся увозить меня отсюда силой.

– Сейчас?

– А что ты им такое сказал?

Глеб только таинственно улыбнулся, но не ответил. А я знаю, у нас так относятся к тем, кто бросил пить. То есть, с одной стороны молодец, с другой жалко человека – жизнь пропала. Особенно в Италии, где такое вино. Но столько есть нельзя, я с ужасом увидела, что мне несут ещё один поднос, иначе назвать это блюдо нельзя, а на нём виноград, апельсины, яблоки и ещё много чего, мне непонятного и пироги. Это в меня уже точно не войдёт, хотя... Глеб понял, что я не уеду отсюда добровольно и у него очень вовремя зазвонил телефон, очередная кнопочка. Дела есть дела, все всё поняли, и положили в корзину гостинцы. Бутылку вина тоже. Под бурные аплодисменты Глеб отнёс меня к машине, а я радостно махала ручкой и посылала всем воздушные поцелуи. И уснула прямо в машине, столько вкусной еды и вина требовали отдыха.

За мной бежал страшный монстр и пытался укусить, потом он ломал мне руки и делал больно, ужасное лицо, перекошенное, с острыми зубами преследовало меня, и я кричала в страхе, пыталась от него убежать. Неожиданно наступила темнота.

Кто-то укачивал меня на руках, гладил по голове, и тихо приговаривал:

– Катенька моя, милая моя, любимая, единственная моя.

Я пошевелилась, всё в теле отозвалось болью, и непроизвольно у меня вырвался стон. Глеб сразу спросил:

– Тебе больно? Где больно?

– Не знаю... везде, что случилось?

– Ты кричала, страшно кричала. Только Олаф смог тебя успокоить. Тебе что-то приснилось?

Ещё не отойдя от ужасного сна, я вжалась в грудь Глеба и прошептала:

– Он меня испугал, гнался за мной.

– Кто?

– Монстр, ужасный монстр, он хотел меня укусить. А как мы уже дома?

– Ты уснула в машине. Кто этот монстр?

– Просто монстр, страшный-престрашный, ужас, такие зубы страшные, острые, а ещё он меня за руки держал, тащил куда-то, лицо такое перекошенное.

Лихорадочно вздохнула и погладила Глеба по груди ладонью.

– А ты меня от этого монстра спас. Уже не больно, уже всё прошло. А такой страх был, такой страх, я никогда так не боялась.

Глеб молчал, а я постепенно успокоилась, задышала ровно, обняла его, такого большого и доброго, такого любимого. Не сразу я поняла, что Глеб даже не пытается меня поцеловать, сидит и молчит, даже обнимает как-то никак. Подняла

на него лицо и увидела страшные провалы вместо глаз и окаменевшее лицо.

– Глеб, не волнуйся, всё уже прошло, это просто сон, страшный сон.

Он очнулся и прижал меня к себе, даже ладонью прижал мою голову и глухо сказал:

– Я люблю тебя, прости, за всё прости.

– За что? Глеб, это сон, просто сон.

– Сон.

Тряхнул головой, и взгляд изменился, стал обычным, только каким-то грустным. Я погладила его по щеке и протянула губы для поцелуя. И поцелуй был грустным, каким-то безнадежным.

– Мне пить нельзя. Совсем. Ты сам виноват, увёз бы домой на трезвый обед, а я опять напилась и тебя напугала своим криком. Это всё вино.

– Вино.

И такая в голосе безнадежность, совершенно безнадежная безнадежность. Я её не понимала и встревожилась, вдруг опять что-то случилось, пока я от монстра бегала. Тихо спросила:

– Что-то случилось?

– Нет, всё хорошо. Скоро придет Нора, ты плавать будешь?

– Обязательно, только голой больше в бассейн не кидай.

И Глеб ответил на мою улыбку обычной своей улыбкой,

нежной и мягкой. А в бассейне сидел и смотрел, не мигая, в одну точку. Меня тревожил этот взгляд, и плавать расхотелось. Не совсем так – я боялась, что монстр появится из глубины. Сон продолжался.

Нора выглядела совершенно неотразимо: джинсы и мужская рубашка в голубую полоску превратили её в молодую девушку. Хорошо, что я надела светлый брючный костюм, очень домашний, мягкий и удобный. Я водила её по дому, даже что-то рассказывала, особенно долго мы стояли у записки старого Неаполя, и Нора сразу узнала Глеба. Вердикт был однозначен – хорош был во все времена, даже если лица не очень видно. От этого обоюдного решения мы развеселились и уже шепотом обсудили достоинства Аарона.

Две женщины – страшная сила, это поняли все, когда мы вошли в столовую, мы даже остановились на пороге, дали возможность на нас посмотреть. Мужчины встали, приветствуя нас, но при этом Глеб приподнял бровь, Олег хмыкнул, Аарон побледнел, Самуил прижал руки к груди в восхищении, Виктор шутливо поклонился, размахивая воображаемой шляпой, а Олаф и Арно переглянулись. Кто бы сомневался, нельзя было нас вдвоём так надолго оставлять, заговор организовать мы успели. На столе стояла еда с праздника, а в центре бутылка вина. Я вопросительно посмотрела на Глеба, он лишь утвердительно кивнул головой, чем сильно меня удивил. А как же монстр в моём сне? Оказалось, Глеба он не пугал, он смотрел на меня очень уверен-

ным взглядом, в котором не было и тени той безнадёжности, которая так меня поразила.

Самуил разлил нам вина в бокалы и сам немного попробовал, почмокал с удовольствием, оценил. А я решительно выпила весь бокал и замерла в ожидании монстра, но он не появился, лишь тёплая нега разлилась по всему телу. Нора удивлённо посмотрела на меня и тоже решительно выпила весь бокал. Мужчины очередной раз удивились, лишь Глеб был спокоен, даже улыбался, нашёл способ изгнать монстра из моей головы. Аарон переводил взгляд с меня на Нору, и, пожалуй, уже сомневался в моём влиянии на неё. А мы опять развеселились, поедали вкусности и хихикали, совершенно не обращая внимания на мужчин, которые молча наблюдали за нашим пиршеством, Самуил ел молча, даже не пытаюсь вклиниться в наше веселье.

Непонятно, о чём мы хихикали, возможно, от волнения, я в страхе от появления монстра, а Нора от присутствия Аарона. Она никого не боялась, наша прогулка по дому совершенно её успокоила, она восприняла его как настоящий дом, дом, в котором живёт семья. И присутствие такого количества мужчин тоже её не пугало, она всех уже знала, да и испытание балом прошла. И неожиданно легко поддалась моей игре, что мы никого из мужчин не видим, просто вдвоём ужинаем и выпиваем за свои, только наши женские тосты. Самуил наливал нам немного вина в бокалы, мы с Норой таинственно перемигивались, делая вид, что уж мы-то знаем,

за что пьём и торжественно это вино выпивали. Даже Виктор сидел, широко раскрыв глаза, и не мог ничего сказать. А вот так, дорогие мужчины, думали, что мы будем стесняться и смущаться, а мы вот вам какое цирковое представление устроили, любуйтесь.

Не было необходимости как-то сдерживать Аарона, он сидел совершенно в невменяемом состоянии, даже дышал через раз, судя по напряженному лицу. Образ тихой, закрытой Норы, очень сдержанной, ещё может немного испуганной совершенно поблёк от её сегодняшнего поведения за столом. Она улыбалась, смеялась наравне со мной, иногда поглядывала на мужчин, ничем не выделяя Аарона, чем ещё больше сбивала его с толку.

Когда вино закончилось, и я закурила, неожиданно послышался голос Арно.

– Катя, я так хочу услышать, как ты поёшь, пожалуйста, спой нам.

Спеть? А что, почему бы и нет, я хитро подмигнула Норе, затушила сигарету и посмотрела на Глеба, он улыбнулся мне ободряюще. Значит – поём.

Что стоишь, качаясь, тонкая рябина,
Головой склоняясь до самого тына.
А через дорогу, за рекой широкой,
Так же одиноко дуб стоит высокий.
Как бы мне, рябине, к дубу перебраться.

Я б тогда не стала гнуться и качаться.
Тонкими ветвями я б к нему прижалась
И с его листьями день и ночь шепталась.
Но нельзя рябине к дубу перебраться,
Знать, ей, сиротине, век одной качаться.

И произошло чудо, Нора мне стала подпевать, сначала очень тихо, но потом под моим восхищенным взглядом всё громче и громче, и у нас получился очень даже неплохой дуэт. Голос у Норы оказался тоже с легкой хрипотцой, может, от волнения, может такой от природы, поэтому мы попадали в одну тональность, и песня получилась такой страстной, такой женской, страдательной. Легкий акцент Норы лишь добавлял оригинальности в исполнение. А как она посмотрела на Аарона, когда мы закончили петь и ждали реакции мужчин! Они все сидели и смотрели на нас в полном молчании, первым в себя пришёл Глеб и захлопал, потом уже остальные поддержали, а Виктор кричал «браво». Я подмигнула Андрею, появившемуся в дверях, он кивнул и исчез. Тихонечко я спросила Нору:

- Что ты ещё знаешь? Что Лея тебе пела?
- О шали, вишневой шали.
- Давай!
- Я одна?
- Пой, я сказала!

И она запела. Плотно закрыла глаза, сжала руки на столе,

собралась как перед прыжком в воду и запела. Вот что значит женщина в борьбе за жизнь. Ещё недавно боялась всего, от одного вида Глеба почти теряла сознание, от Аарона только смерти и ждала, сидела в доме месяцами, вся поломанная и почти убитая, а сейчас поёт о любви страстным хриплым голосом, не потеряв ни одной ноты. В этом романсе было всё: ужас, тоска, неверие, но не было страха. Нора всё правильно поняла, никакого страха, никогда, не только перед ними, перед собой. Вряд ли она пела в своей прошлой жизни, сама говорила, а сейчас любая певица позавидует её исполнению, столько в нём страсти и жизни.

Глеб смотрел на меня странным взглядом, даже не на меня, куда-то в свои мысли, слушал Нору, а сам думал о чём-то своём, но связанном со мной и столько было в этом взгляде боли, что я едва удержалась, чтобы не кинуться к нему. А он даже не почувствовал в своих мыслях моего взгляда, так и сидел, как статуя.

Больше всех, не считая Аарона, был поражен Арно. Видимо, мы с Норой совершенно не вписывались в его научную теорию передачи энергии, и вообще в человеческую теорию. У него было такое лицо, как будто он увидел, даже не знаю кого – привидение в лице меня он уже видел, ежей уже проглатывал, значит ещё кого-то, совершенно ему незнакомого, очень удивительного.

После исполнения романса Нора глубоко вздохнула в полной тишине, и тут послышался голос Аарона:

– Нора, я прошу тебя выйти за меня замуж.

И произошло ещё одно чудо. Нора совершенно спокойно посмотрела на него и сказала:

– Нет. Ты не любишь меня.

Подумала пару секунд и продолжила:

– И я тебя не люблю.

Длинный вздох Виктора поставил точку в выяснении отношений, замерли все, и я в том числе. Поразительно, что с женщиной делает песня, осознание себя сильной, преодоление внутреннего страха изменило Нору. Она отсекла от себя всю свою прошлую жизнь, мужа, побои, свой страх перед ним, и самое страшное – то, что произошло в охотничьем домике. Нора смогла отсечь и этот страх, внутренний страх всего тела. Она сидела за столом совершенно спокойная, уверенная в себе, это понимали все – даже если сейчас Аарон кинется на неё, она уже не испугается. Хотя, кто ж ему позволит даже шелохнуться в её сторону. Да и двинуться он не мог после слов Норы, в статую превратился, бетонную.

В дверях появились Лея с Андреем, я только смогла махнуть Лее, и она сразу подошла ко мне. Немного помывчав, пытаясь вернуть голос, я спросила:

– Давай про наряд подвенечный, а мы с Норой своими голосами тебя поддержим.

И Нора кивнула мне – она знает эту песню. Королева, истинная королева, только что отказав Аарону при всех, она согласна петь. Как мы смогли так спеть, так разложить

на наши совершенно разные голоса этот романс, непонятно. Но звучало изумительно, это даже я услышала. Лея начинала своим звенящим голосом, а мы продолжали про любовь и разлуку, каждая своим голосом, но удивительно слаженно, как будто пели вместе всю жизнь.

Цирк удался. Задуманная мною авантюра оказалась слишком сильное впечатление на всех своим продолжением и исполнением. Эти гиганты невообразимой силы, командоры, главы кланов и крутые боевики сидели перед нами в совершеннейшем обалдении. Ну, кроме Андрюши, тот просто смотрел на Лею влюблёнными глазами и слушал романс, хотя тоже, наверное, удивлялся такому необычному исполнению.

Когда мы закончили петь и уже отдышались, я поняла — они так и останутся сидеть недвижимыми, групповая статуя сверхчеловеков. Первым пришёл в себя Олег, улыбнулся и сказал:

— Катя, это поразительно как вы спели.

Подошёл к Норе, протянул руку:

— Ты устала, я отвезу тебя.

Видимо, было такое указание Глеба, потому что он даже на него не оглянулся. Нора кивнула, встала и попрощалась:

— Сегодня был удивительный вечер, я так счастлива. Спасибо Катя, Глеб. До свидания.

Мужчины смогли встать, даже Аарон тяжело поднялся, Олег подхватил Нору на руки и исчез. Ушли и Лея с Андрю-

шей. А я встала из-за стола, подошла к Аарону и заявила:

– Вот теперь у тебя есть шанс за неё бороться.

Совершенно раздавленный отказом Норы, Аарон вскинул на меня глаза:

– Шанс? Разве сейчас у меня может быть шанс?

– Докажи ей, что она тебе нужна не как кусок мяса.

От меня не ожидали таких слов, неожиданно жёстких и откровенных. Самуил прошептал:

– Катенька, что ты говоришь...

То, как я на него посмотрела, ввергло его в ужас, и только его испуганный взгляд остановил меня, чтобы не сказать, что я сама была куском шницеля. По крайней мере, я так себя ощущала. А Нора сейчас это проходит, и я не позволю никому её задавить, Аарон должен понять её, как понял меня Глеб. Аарон побледнел так сильно, что стали видны прожилки на лице, Виктор появился рядом со мной, а Глеб только посмотрел на Аарона, но с места не двинулся, видимо, всё-таки был в нём уверен. Тяжёлая тишина легла всем на плечи, Арно смотрел на меня почти также как Самуил, с каким-то внутренним ужасом. А я вдруг устала – монстры, вино, песни и воспитание Аарона, всего этого оказалось слишком много для одного дня. Я умоляюще посмотрела на Глеба, он сразу встал и подхватил меня на руки. Поблагодарив всех за вечер, я помахала рукой, и мы оказались в спальне.

Я прижалась к Глебу и тихо всхлипывала, он гладил меня по голове и молчал. Странно, повода для слёз не было, но как только Глеб принёс меня в спальню и сел у окна, я заплакала. Слёзы душили меня, ещё немного и начнётся истерика. Всхлипывая и шмыгая носом, я спросила Глеба:

– Что это? Опять напилась?

Глеб подал мне платок и прижал к себе:

– Нет, ты просто устала. Это всё из-за монстра.

– Да я уже забыла о нём! Тоже мне, подумаешь, приснился, дурак какой-то, да и не страшный совсем. Это во сне страшно было, а так, ничего страшного, подумаешь зубы...

– В бассейне ты его тоже боялась.

– Ну... тогда я ещё не совсем проснулась. А ты что, заметил?

– Заметил.

И я снова заплакала:

– Мне так страшно никогда не было, почему так страшно, всё-таки это вино. Глеб, а почему ты решил нам с Норой предложить вина? Почему? Чтобы монстра из моей головы изгнать, да? Подобное подобным?

Он удивлённо на меня посмотрел сверху вниз, хмыкнул, даже головой повёл непонятно, потом признался:

– Нет, я об этом не думал.

– А почему?

– Тебе оно понравилось, ты когда-то просила меня... ино-

гда давать тебе вино.

Теперь пришла моя очередь удивляться – я просила бокал вина хоть иногда, а сегодня бутылками, сколько хочешь.

– А... теперь так всегда будет, вино литрами?

– Если хочешь, у Андрея много запасов. Можно и это, которое сегодня было, привезти.

Совершенно честный синий взгляд, за этими словами ничего тайного нет, только зачем ему мое круглосуточное пьянство? Будет наблюдать, как я борюсь со своим алкоголизмом? Я сразу успокоилась, слезы высохли, и проявился вопрос:

– Глеб, это из-за монстра? Я буду с ним бороться пьянством?

Наконец, он улыбнулся, даже тихо засмеялся.

– Ты обещала бокал вина. Или два.

И мы рассмеялись оба, понимая, что у меня может получиться и три, если вовремя не остановить. И всё-таки монстр из моего сна волновал его, мне казалось, что он о нём постоянно думает. Я пыталась отвлечь его разговорами, он отвечал, но я понимала, что думает при этом совершенно о другом.

– Глеб, ну Глеб, перестань о нём думать.

– Я думаю не о нём.

– Тогда о ком?

– О тебе.

– Это уже интереснее, и что ты думаешь обо мне? Немед-

ленно говори!

Толкнула его в грудь, он неожиданно упал на спину и разлёгся на полу, при этом подхватил меня и уложил на себя. Недолгая возня, поцелуи, хихиканье и вопрос отпал сам собой.

Своим криком я переполошила весь дом, когда в ужасе от сна открыла глаза, перед кроватью стояли Олаф и Олег с Самуилом. Глеб обнимал меня и тихо шептал:

– Катенька, милая моя, Катенька.

В диком ужасе я прижималась к нему, прятала лицо на его груди, прикрывалась одеялом и дрожала всем телом. Глеб гладил меня, прижимал к себе, и никого ко мне не подпускал, несмотря на уговоры Самуила и Олафа.

– Глеб, надо её осмотреть, пойми, что-то не так именно с ней, я же тоже пил это вино, Нора пила, у нас всё хорошо. Олаф смотрел это вино, сказал, всё хорошо, он сам тебе это сказал, Глеб...

– Нет.

Олаф только качал головой, все свои доводы он уже сказал Глебу, но тот их проигнорировал. А я всё дрожала и прижималась к его горячему телу, пряталась под одеяло, закрывать глаза боялась, там всё ещё стоял монстр. Неожиданно Олег обратился ко мне:

– Катя, посмотри на меня.

Мне понадобилось время, чтобы услышать его, понять, что он от меня хочет. Лихорадочно вздохнув, я достала го-

лову из-под одеяла и со страхом посмотрела на него.

– Ты боишься меня?

– Н-нет.

– Я монстр?

– Нет... нет.

– Кто в твоём сне? Я? Виктор? Кто? Глеб?

– Нет!!!

Я закрыла лицо руками – вот оно, мой страх, я его так далеко спрятала, любовью прикрыла, а он всё равно вышел во сне, когда я себя не помню. Глеб отпустил свои руки, перестал меня обнимать, чётким голосом произнёс:

– Я, в твоём сне я.

– Нет, нет, нет...

Я мотала головой, махала руками, всё повторяла своё «нет», но уже понимала – он, во сне монстром был Глеб. Олаф коснулся меня, и сознание ушло, ушёл ужас.

Сознание возвращалось медленно, какими-то обрывками, странными лицами, я их, наверное, знала, но вспомнить не могла, хотя всматривалась в них, разглядывала внимательно, но никак не узнавала. Потом появилась Лея, её я узнала сразу, и очень обрадовалась, но она приложила палец к губам и попросила молчать.

– Ты болеешь ещё, у тебя высокая температура, вся горяишь.

– Опять эта горячка нежных барышень?

Она почему-то очень обрадовалась моим словам, закива-

ла головой и сразу позвала Самуила, тот прибежал радостный.

– Катенька, дорогая моя девочка, как ты нас напугала, не узнаешь никого, даже Глеба не узнавала, только зовёшь его, а сама его не узнаешь.

– Где он, где Глеб?

– Он уехал.

– Куда?

Самуил неожиданно замялся, и я поняла – от меня. В комнату вошёл радостный Олаф, сразу тронул мой лоб и авторитетно заявил:

– Температура падает, всё прошло, я же тебе говорил, нервных горячек у Кати быть не может. Это она так спряталась от нас.

Но мне уже было всё равно, бывает ли у меня эта горячка. Глеб от меня сбежал. Сразу всё вспомнила, поняла, почему сбежал, и мне стало очень обидно. А Олафу было всё равно на мои обиды, тот ещё доктор. Он взял меня за безвольную руку, пощупал пульс, зачем-то потряс моей кистью, оттянул кожу до боли, даже ущипнул.

– Всё в порядке, полежишь ещё день и можно в бассейн. Лея, немедленно обед.

Есть я не хотела, сжала губы и продолжала думать свою обиду на Глеба. Бросил, сразу и бросил, подумаешь монстр, видела его таким, сам показал, между прочим, вот моя память и достала. Интересно, теперь так и будет носиться

по миру в тоске. А может, уже и не в тоске? А может, кого и нашёл уже, очередную Агату? В чувство меня привел смех Олафа, вошедшего посмотреть, как я ем, и продолжая смеяться, успокоил:

– Не нашёл, дурочка, он воевать поехал.

Я окаменела. Воевать. У меня сразу отказал голос, смогла только поднять на Олафа глаза.

– Катя, он мужик, командор, для него война привычное дело. Он уехал только сегодня утром, когда стало ясно, что ты поправляешься, температура стала падать и ты стонать начала, значит, оживаешь. Я сразу сказал – можешь ехать, с Катей всё будет хорошо. Не переживай, я ему позвонил, доложил, что ты пришла в себя. А теперь ешь, немедленно и много, к его приезду мягкость надо восстановить, а то похудела уже, страх.

– Да, Катенька, надо кушать, Вердо тебе всяких вкусностей приготовил, ешь милая моя, теперь тебе надо много есть и спать, ты ведь не спала совсем, даже Олаф ничего не мог сделать, молчишь, глаза открыты, горишь вся, невозможно было на тебя смотреть.

Но я плохо понимала, что они говорили, только одно слово билось в моей голове – война. Я прошептала:

– Какая война?

– Ты женщина, тебе об этом думать не нужно. Вернётся скоро твой Глеб.

– Какая война?

Олаф меня уже знал, понимал, не буду есть, ничего не буду делать, пока не ответит. Тяжело вздохнул и сказал уже серьёзно:

– Некоторые горячие головы решили всё-таки провести серию акций по всему миру. Глеб уже рывкнул на тех, кого смог достать по телефону, но сама понимаешь, это не всегда работает. Поехал воспитывать, пока есть время.

– Акция когда?

– Скоро девочка, скоро совсем, поэтому Глеб и уехал сегодня, ждать уже было нельзя. Ты вовремя решила поправиться.

Я закрыла лицо руками, но слёз не было, только ужас. Олаф подошёл ко мне и погладил по плечу.

– Ты не бойся за него, сил у него много и возможности такие, что мало не покажется. Да и поехал он не один, они все уехали – Олег, Виктор, Аарон, даже Андрея взяли с собой. Всё будет хорошо, только поправиться тебе надо, я ему картинку хочу послать, как ты его ждёшь, хочешь?

Слёзы уже душили меня, готовы были вылиться лавиной из глаз, и я только закивала головой.

– А вот рыдать не смей, нельзя, мужчин с войны ждать надо, а не потопы устраивать. Так, картинку вечером записывать будем, ешь немедленно!

Что уж в хлеб Вердо добавил, я так и не поняла, что в мясо и бульон добавил тоже, но вкусно очень. Да и не ела я, оказывается, три дня. Но сил есть у меня тоже мало оказа-

лось, хотя я очень старалась, так и уснула с куском ветчины в руках.

Резко проснулась от мысли – вдруг опоздала. Долго думала, а куда я могу опоздать? Лежу на кровати в своей комнате, сытая, совершенно здоровая, опаздывать некуда. Но ведь проснулась зачем-то, зачем? В комнату стремительно вошёл Олаф и сразу позвал Лею.

– Немедленно одеваться прилично, посадим за стол и ужинать будем.

Вот куда я боялась опоздать – с Глебом говорить, не так, ему сказать, а что сказать? Лея меня спрашивала, что буду надевать, а я только смотрела на неё и кивала головой. Что я ему скажу после своей истерики непонятной, страхов своих глупых? Олаф вернулся в комнату, посмотрел на меня, всё раскритиковал, рылся в гардеробной, достал другое платье, почему-то бежевое, чем синее не понравилось – непонятно. Не стал дожидаться, когда Лея меня переоденет, сам снял синее и надел бежевое, отошёл, полюбовался и сразу взял на руки, прокомментировал своё действие:

– Пока Глеб не видит, ты ему не говори, а то голову оторвёт, ни на что не посмотрит, знаю я его.

И я рассмеялась, напряжение спало, сразу поняла, что скажу Глебу. Прав Олаф, совершенно прав, только так можно было меня вывести из состояния ступора, каким-то важным делом, в которое я бы поверила, серьёзно отнеслась. Я не знаю, где установлены камеры в доме, Лея сказала, что

во всех комнатах, в моей естественно тоже. Глеб всё видел – конечно, если не воевал в этот момент, не разносил чьи-нибудь дурные головы – видел, как я пришла в себя, как ела и спала.

Я уселась на стул в столовой, слушалась всех указаний Олафа: поверни голову так, выпрями плечи и всё в таком духе, как в старых ателье фотографий. Он театрально установил передо мной камеру, зашипел на Лею, молча сопровождавшую нас, мол, не мешай съемкам и махнул мне рукой. Включился красный глазок камеры, и я начала говорить:

– Глеб, я люблю тебя. Помнишь, когда-то я читала тебе стихотворение, как женщина ждёт с войны, я тебя жду, каждую минуту жду. Я знаю, что ты сильный, ты командор и всё такое, но всё равно боюсь, и буду всегда бояться за тебя. Ты занимайся там своими командорскими делами, спасай мир, а я буду тебя ждать дома, сяду у окошка и буду ждать.

Слеза всё-таки скатилась по щеке, я совершенно неприлично утёрла нос, всхлипнула, вздохнула и продолжила:

– Вы там воюйте и знайте, мы вас дома ждём всех. Вы, конечно, крутые все, сверхчеловеки, только помните, наше ожидание вам поможет. Лея, махни Андрюше ручкой.

Лея совершенно серьёзно подошла ко мне и помахала ручкой в камеру.

– Олег, Виктор я вас тоже жду. Когда мир спасёте, вернётесь домой, я сразу жён вам начну искать, чтобы ждать вас было легче.

Опять всхлипнула, но удержала слёзы и продолжила:

– Глеб, помни, я люблю тебя, никогда и ничто не сможет нас разлучить, всё можно решить, только подумать надо и верить. Я петь ещё не могу, а слов сказать, что я сейчас чувствую, у меня не хватает, поэтому слушай стихотворением.

Нет тебя, а мне всё кажется, ты со мной.

Две судьбы в одну не свяжутся, ты со мной.

Ночь в глазах и одиночество, ты со мной.

Ты любви моей высочество, ты мой.

Я за тебя молюсь, я за тебя боюсь.

И слышу я, мой бог, твой каждый вздох.

Я за тебя молюсь и слёз я не стыжусь.

Прощай, судьба хранит тебя.

Больше ничего, больше ничего, ничего.

Я не верю в расставания, я с тобой.

Между нами расстояния, я с тобой.

Где бы ни был ненаглядный мой, я с тобой.

Каждый час и каждый миг земной, ты мой.

– Вот, больше сказать мне нечего, ты просто иногда посматривай в свой маленький аппаратик, а там я жду тебя.

Олаф сидел и смотрел на меня глазами, полными тоски и боли, совершенно невероятной тоски. Как только я закончила говорить и посмотрела на него, он даже не смог мне улыбнуться, посидел ещё, только потом выключил камеру.

Мы долго сидели молча, он смотрел на меня, а я вся сникла, даже не пыталась как-то изобразить бодрость духа. Наконец, он встал, подошёл ко мне и поцеловал руку.

– Катя, ты настоящая женщина, женщина для настоящего мужчины.

Я только усмехнулась и пожала плечами, какая настоящая, сплошные истерики и слёзы, а теперь придумала прятаться в бессознательное состояние. Олаф сразу улыбнулся:

– Да, это ты хитро придумала, не хочешь думать об ужасе и не думаешь.

– Олаф, что мне делать? Я люблю Глеба, я тогда его приняла таким, я видела его таким и не испугалась, совсем не испугалась, я помню своё состояние. Почему теперь, когда всё было хорошо, и вдруг этот страх, которого никогда не было, я никогда не считала его монстром, никогда не боялась, даже когда ждала каждый день...

– Когда он придёт и убьёт тебя?

– Да, даже тогда его не боялась, просто ждала. А сейчас такой страх невероятный, какой-то животный, страх кролика. Я ничего не понимаю в этом сне, просто бегу в ужасе.

– А ты не беги.

– Как это? Это же сон.

– Ты в жизни убегаешь от чего-то в нём, поэтому сон тебе это показал.

– Я не бегу от Глеба, я люблю его!

– Любишь, но есть что-то в ваших отношениях, от чего ты

бежишь. Попробуй это понять и поймёшь сон.

И что это? Я только тяжело вздохнула, между нами давно уже всё сказано и выяснено. Он знает обо мне всё.

– Не он, Глеб снится тебе, значит, ты что-то не знаешь о нём, и это тебя пугает, даже не так, ты знаешь что-то о нём, но не хочешь этого знать, принять не можешь. Прячешься, бежишь.

– Олаф, я знаю, что он был пьяницей... вашим пьяницей. И я это приняла.

– Ты не приняла, ты отсекала это от образа Глеба, исключила. И всё же я думаю, что это к твоему сну не относится, это что-то очень личное. Что-то, что только между вами.

– Олаф, я его не боюсь, совсем-совсем, я люблю его, знаю – кто он и люблю. Я готова за него умереть.

– Катя, а может как раз дело в том – кто он.

– А причём...

Ну и что? Кто он я знала с первой нашей встречи, но никогда не думала об этом, никогда не видела никакого намёка на кровь в доме, только теоретическое знание. Видела некоторые его физические возможности, как он может мгновенно меняться всем телом, но никогда этого не боялась.

– Катя, ты видела не все его физические возможности.

– Пойми, для меня, как обычной человеческой женщины, этого вполне достаточно, всё остальное за пределами понимания, поэтому значения уже не имеет. Как я могу оценить какую-то его возможность, если я её физически не могу уви-

деть даже на скорости один?

Олаф усмехнулся, согласно кивнул головой – логично. Никакие умные мысли не пришли в голову, и я махнула рукой, потом подумаю, всё равно Глеба нет, и когда появится неизвестно.

– Катя, это не от него зависит.

– Я знаю. Он командор, воин, он так жил всегда, это его судьба – быть воином. Никогда я не думала вмешиваться в его командорские дела, я жена и просто его жду.

Олаф встал и заявил:

– Значит так, будешь ждать правильно – есть и спать.

– Мягкость восстанавливать?

– Однозначно.

– А гулять мне совсем нельзя? Только сидеть дома?

– Ты хочешь погулять?

– Да хоть рядом с домом пройтись, такая весна на улице.

– Завтра утром подумаем, пока ты качаешься сама по себе, а если ветер дунет? Боевики летать ещё не умеют, хотя это мысль, надо Самуилу сказать.

Рассмеялся, подхватил меня на руки и отнёс в комнату.

– Сейчас тебе принесут ужин.

– А в столовой поесть было нельзя?

– Ты до завтра лежачий больной, хочешь гулять, изволь слушаться.

Лея принесла ужин, явно на четверых, и опять я уснула в самом начале поедания вкусностей Вердо. Монстр не по-

явился, я спокойно проспала до утра. Что-то он явно подложил в еду, слишком быстро и спокойно я заснула.

Олаф и Самуил проверили меня по полной программе существования человеческого тела. Длилось это до обеда, и я готова была уже остаться лежачей больной хоть на годы, только бы это больше не повторилось. Одного Самуила ещё можно было выдержать, хотя и с трудом, но этих двоих вместе – слишком серьёзное испытание. Самуил радостно прикреплял ко мне различные проводки, смотрел в компьютере, потом Олаф их снимал, проверял мою энергию. Они долго спорили, и всё начиналось по новой. Я поняла только одно: мой организм функционирует хорошо, даже очень, хотя непонятно почему. Вопросы задавать я зареклась сразу. На мой невинный интерес о состоянии моего тела в смысле кожи, восстановила ли она полностью свой натуральный цвет, мне так ответили, что я не поняла ничего. Сама посмотрела и убедилась – почти. Но мне тут же заявили, что всё не так просто и ещё что-то сказали, что понять это я даже не пыталась. Потом они долго спорили как меня лечить, потом как кормить, потом можно ли плавать, можно ли гулять. Я не выдержала и заявила:

– Мне можно всё! И плавать, и гулять, а то есть не буду!

Самуил расстроился, а Олаф рассмеялся и поддержал меня:

– Можно, Катя, можно, но под контролем.

– Это как?

– Мы будем рядом.

– Будьте, гуляйте и плавайте. Я разрешаю.

Выглядело это так. Меня накормили, и плавать я уже не могла, тонула от количества съеденного, а Самуил одоброво сказал:

– Вот, Катенька, не зря я тебя останавливаю от этого вечного намокания, ты не рыба, ты человек!

А прогулка! Одета как эскимос в самый холодный день в году, водружённая в этом на руки Олафа и окружённая несметным количеством боевиков. Я пыхла, потела, возмущалась из глубины одежды, но Олаф продолжал двигаться как скоростной поезд.

Когда меня вернули в комнату, я категорически заявила, что не потерплю такого отношения к себе, я совершенно здорова, буду плавать и гулять как хочу сама и так далее и тому подобное. Олаф внимательно слушал меня, время от времени наклоняя голову, как будто старался лучше меня услышать, и это он, который слышит писк комара на соседнем континенте! Высказав всё, что думаю о прогулке, я плотно замолчала с грозным видом. Неожиданно Олаф улыбнулся:

– Теперь всё хорошо, твоя энергия в полном порядке, ты восстановилась. Можно гулять.

Я чуть не лопнула от возмущения: один сердит целый день, чтобы мои эмоции проверить, другой позорит и жарит на глазах у боевиков. Олаф откровенно расхохотался надо мной:

– Катенька, ты неотразима в своём возмущении. Переодевайся и прогуляемся.

Солнце, яркое, какое может быть только в Италии весной. Уже совсем тёплое и ласковое, оно касалось моего лица и успокаивало, говорило – не переживай, всё будет хорошо. Мы сидели с Олафом на скамеечке и смотрели на озеро.

– Глеб получил твоё послание.

Конечно, получил, кто бы сомневался. Олаф долго смотрел на воду, спокойную, недвижимую, без единого колыхания, как стекло.

– Катя, ты пока не думай о монстре, Глеб вернётся, и вы подумаете вместе.

– Нет, к его приезду я уже должна во всём разобраться. Что Вердо добавляет в еду? Я так спокойно спала сегодня.

– Только травы, я проверял.

– Значит...

– Монстра нет, уже нет.

– Олаф, что я могу не знать? Что-то в прошлом, но зачем мне это знать? Прошлого нет, и я в этом абсолютно уверена, у меня нет никаких сомнений. За всё время нашего знакомства я видела его во всяких видах и образах, сам демонстрировал, монстра тоже. Почему сейчас я этого... не поняла.

Вдруг вспомнила, что нас слышат боевики и замолчала. Олаф искоса взглянул на меня, помрачнел, тяжело вздохнул. Потом опустил голову и закрыл лицо ладонями.

– Олаф, что случилось?

– Я всё понял.

И замолчал. Как я не пыталась его разговорить, просила, требовала, даже по плечу стукнула, он только отрицательно качал головой.

– Олаф, пойми, я должна знать, мне понять надо. Это я виновата? Я. Раз мне снится, значит, я чего-то не понимаю, не могу или не хочу понять. Помоги мне, Олаф, если ты всё понял, помоги мне.

– Нет.

Жёсткое «нет» повергло меня в шок. Олаф стал таким... сверхчеловеком, сразу гигант, лицо робота, стальной взгляд и каменное лицо. И у меня за спиной проявились боевики, я почувствовала их, обернулась, они стояли как боевые псы, напряжённые, готовые в любой момент кинуться на Олафа! Я вскочила, выставила перед собой руки и сказала:

– Все спокойно, мы разговариваем напряжённо, всё хорошо, он никогда не причинит мне зла.

Олаф пришёл в себя и тоже оглянулся, лицо сразу вытянулось:

– Что случилось? Катя, они...

– Они защищают меня.

– От меня тоже?

– От всех. Вы можете отойти, правда всё спокойно, он меня не тронет.

На меня посмотрели тревожные глаза, определили степень беспокойства, она их удовлетворила, и боевики исчез-

ли. Олаф удивлённо, нет, что-то большее, посмотрел на меня.

— Катя, они за тебя...

— Они все дали мне клятву, я этого не просила, но Глебу так спокойнее. Он так и сказал: на случай, если его не будет рядом. Вот он и наступил.

Лихорадочно вздохнула и продолжила:

— А ещё я не хотела их бояться. И совсем не боюсь. Олаф, если ты не хочешь, чтобы я...

— Есть только одно, что ты не знаешь, что ты не видела никогда. Подумай сама.

Опустил голову и сказал совсем тихо, почти прошептал:

— То, что объединяет нас всех... и отличает от тебя.

Медленно я опустилась на скамейку. Никогда ни одного намёка, просто никто в этом доме не ест при мне. Никто и никогда. Всё знаю и понимаю теоретически, а сон выдал мне суть. И что? Как мне с этим пониманием быть? Я всегда знала, кто такой Глеб, догадалась, даже когда память потеряла, и что? Это Глеб считал себя монстром, я нет, никогда. Или считала? Нет, всё-таки нет, иначе не смогла бы полюбить. На мой вопросительный взгляд Олаф ответил:

— Ты во всём права, это единственное, что делает Глеба... другим.

Я курила уже третью сигарету и ни о чём не думала, смотрела на озеро, молчал и Олаф. На совершенную водную гладь опустилась стая каких-то водоплавающих птиц. Вожак,

самый крупный, двигаясь вокруг стаи, сбил её в центр озера, что-то произнёс на своём языке и улетел, стоя так и осталась красочной кучкой. Птицы плавали, кого-то ловили в воде, но от центра не отдалялись. Вожак вернулся, опять крикнул, вся стая во главе с ним сорвалась и улетела. Отлучался по командорским делам. Вот теперь я знаю, что мне нужно, решительно встала и заявила Олафу:

– Олаф, мне нужно поговорить с боевиками, иди в дом.

– Катя, я не могу...

– Можешь. Я жена командора. Иди.

Олаф стоял в недоумении, мыслей в моей голове не было, только непонятная решимость.

– Иди. Они мне поклялись и не тронут. Глеб им меня доверил, доверяй и ты.

Даже ногой топнула.

– Иди! Я... я погуляю с ними.

Рядом возник боевик и вопросительно посмотрел на меня, ожидая указаний. Олаф покачал головой, конечно, с одним боевиком он справится, со всеми вряд ли, а уж во главе со мной точно – нет.

– Олаф, я скоро вернусь и всё расскажу Глебу сама.

Он растерянно развел руками и медленно ушёл, иногда оборачиваясь в нашу сторону. Дождавшись, когда он вошёл в дом, я повернулась к боевику.

– У вас есть какой-нибудь командир, ну, кроме командора, среди вас?

Яркие зелёные глаза боевика смотрели на меня очень внимательно, он всё-таки элита, думает, прежде чем делать, да, маленькое государство в разрушении. Чётким голосом произнёс:

– Это я.

– Как тебя зовут?

– Илья.

– Ты русский?

– Да.

– Как к Глебу попал?

Лёгкая улыбка тронула жёсткое лицо, а ведь действительно славянин: на вид лет двадцати пяти, светлые, коротко стриженные волосы, похож на офицера из фильмов о пограничниках.

– Он меня нанял.

– И ты остался?

– Остался.

Значит, доброволец, подходит. Я глубоко, очень глубоко, вздохнула, даже плечи подняла от старательности.

– Мне нужно поговорить с тобой так, чтобы нас больше никто не слышал, ни твои боевики, ни в доме. Потом можешь всё доложить Глебу, а я ему сама расскажу.

Он смотрел на меня и не двигался, просчитывал возможные мои поступки. Одно дело охранять сумасбродную жену командора, совсем другое – таинственный разговор непонятно о чём. Конечно, потом он всё доложит, даже без моего

на то согласия, это понятно, но сам разговор может оказаться таким, что Глеб оторвёт ему голову на расстоянии. Но боевик – это прежде всего мозги, причём очень хорошо подготовленные, да и обычного боевика Глеб бы не сделал командиром охраны своего дома, охраны меня в его отсутствие. Особенно когда в доме нет никого из ближнего круга, Олаф в этом вопросе в счёт не идёт. И война где-то там.

Илья кивнул, подхватил меня на руки, что-то негромко сказал, и мы оказались неизвестно где. Я даже не заметила скорости движения, вообще ничего не заметила, просто Илья опустил меня на большой пенё в глухом месте сада. Ну, я надеюсь, что нашего сада.

Удобно устроившись на пне, я спросила:

– Почему ты согласился? Ведь не только потому, что я жена командора?

Оглядев меня сверху вниз, Илья опустил на корточки, понял, что мне смотреть на такую высоту неудобно, и ответил так же чётко:

– Я решил, что ты всё равно будешь искать ответы на свои вопросы.

Ну да, он же слышал наш разговор. Сразу задать свой вопрос я не смогла, поэтому решила больше узнать о самом Илье.

– Ты родился с вирусом?

Он вскинул на меня глаза, чуть качнул головой, удивился, наверное, что я действительно много о них знаю, слухи

оправдались.

– Да.

– Как выжил?

– Помогли.

Даже спрашивать не буду, кто и как помог.

– Давно свободный боевик?

– Всегда.

А это уже интересно, кто же его готовил тогда, если Глеб взял к себе и сделал командиром? Илья понял мой вопрос и сразу ответил:

– Меня готовил Глеб, нашёл и подготовил, дал возможность быть свободным от кланов.

Ну вот, значит, ему я и могу задать свой вопрос.

– Илья, я... как жена ...он никогда при мне...

– Не пил крови?

– Да.

– Что ты хочешь знать? Я использую кровь доноров.

Вот он ответ! Это кровь доноров, это так просто, какая я глупая, а он переживает, мучается, а я такая глупая, ведь сама ему говорила, что я как донор кровь ему отдаю! Я закрыла ладонями лицо, потом засмеялась, чем вызвала встревоженный взгляд Ильи, но сразу замахала руками – я не сошла с ума, просто нашла ответ.

– Илья, ты так мне помог, даже не представляешь, я такая глупая!

– Ты нашла ответ на свой вопрос?

– Да, я поняла, я сама ему предлагала, как донор, а сейчас забыла об этом!

Илья вскочил и его глаза стали как два зелёных лазера, я только успела вздрогнуть от удивления.

– Ты сама...

– Сама. Я люблю его.

Он смотрел на меня и не понимал, не осознавал моих слов. Я осторожно взяла его за руку и повторила:

– Илья, я люблю Глеба.

Снова опустившись передо мной на корточки, Илья посмотрел на руку, которую я держала в своей руке. Прошло время, прежде чем он смог поднять на меня глаза. В них была странная радость, какая-то робкая, немного недоверчивая. Погладив его по руке, я прошептала:

– Илья, помоги мне понять, что со мной, только ты можешь мне помочь.

И рассказала ему свой сон. Илья слушал меня очень внимательно, ни разу не прервал вопросом, только смотрел прямо в глаза. Удерживаясь изо всех сил, чтобы не заплакать, шмыгая носом, и подрагивая от пережитого во сне ужаса я рассказала весь сон в подробностях, которые вспомнила. Он долго молчал, опустив голову, я так и держала его руку, пока рассказывала сон, мне так было легче, ощущение тепла давало силы. Наконец, Илья поднял голову и спросил:

– Ты готова увидеть?

– Да, наверное, да. Да.

Илья принёс меня в дом и опустил на крыльце.

– Спасибо тебе.

– Жена командора, я служу тебе не по клятве. Моя жизнь принадлежит тебе.

– Илья, вот этого не надо, я...

– Это законы нашего мира.

– Хорошо, пусть так, я не буду спорить, но всё равно спасибо.

Он наклонил голову как офицер-пограничник и исчез. Надо теперь объясниться с Олафом и Глебом.

Олафа я нашла в столовой, он мрачно сидел на диване. Решительно подойдя к нему, я взяла его за руку и покаялась:

– Ты не сердись на меня, я не видела другого выхода, и теперь ясно, что я поступила правильно.

Судя по удивлённому взгляду Олаф не совсем понял, что я сказала, но руки не отнял.

– Я теперь знаю, как это выглядит – ваше питание, и не боюсь.

Он побледнел и медленно отнял свою мгновенно задевшую руку, я сразу её схватила и стала удерживать, но силы были совсем не равными, Олаф просто исчез и проявился в другом конце столовой.

– Глеб будет недоволен. Не нужно было этого делать.

– А как мне бороться с монстром в моей голове? Монстром, которого я нарисовала сама, нарисовала от внутреннего страха? Страх, который родился от незнания, непонимания. Теперь я знаю, сама видела, поэтому не боюсь.

– Ты человек.

– Ну и что? Это меня принижает перед вами? Я от этого глупее или трусливее? Или потому, что я женщина-человек? Мне что, только сидеть в сейфе и ждать?

По мрачному взгляду Олафа я поняла, что этот вариант моего поведения его бы устроил полностью. Но он лишь покачал головой, видимо, вспомнил мои предыдущие подвиги.

– Олаф, пойми, монстр в моей голове именно от того, что я не понимаю, не понимала процесса. Ты знаешь, я когда-то видела, как делали операцию, обычную операцию на теле человека, наркоз прошёл раньше, и он закричал, а операцию остановить было уже нельзя, пока начала действовать следующая порция наркоза его оперировали практически вживую. Наверное, я так кричала, и Глеб это видел, неужели ты думаешь, что то, что я увидела сегодня страшнее того, что видел он?

Олаф не сразу понял связь между моим криком и их изменениями при приёме крови. Я подошла к нему и заглянула в глаза:

– Не так ужасно на самом деле, это вы боитесь показаться передо мной, а мне не страшно вас такими увидеть.

– Катя, но это человеческая кровь.

– Донорская кровь, кровь которую вам дали сами люди. Донор, это тот, кто сам отдает свою кровь. Отдавая её, он спасает кому-то жизнь и ему самому не важно, кому он эту жизнь спасает. И спасает вас. Или донор просто продаёт то, что может продать и получает за это деньги. А процесс, что ж, теперь я его знаю – ничего страшного.

Конечно, я немного лукавила и отгоняла картинку, чтобы Олаф не прочитал моих мыслей, на самом деле я была сильно поражена.

– Олаф, ты пошли запись нашего разговора Глебу, хотя, что я говорю, Глеб посмотрит его при первой же возможности.

Не зная, где находится камера, я встала посередине столовой и заявила, громко и чётко произнося слова:

– Глеб, я видела и не боюсь. Ты не монстр, это примерно также, когда я напиваюсь, только я говорю больше, а, сам понимаешь, такой процесс пережить значительно сложнее. Глеб, я люблю тебя, жду тебя и ничего не боюсь.

Вздохнула облегчённо, но вспомнила Илью и добавила:

– Илья сдался под пытками, ты его не ругай.

Уже устроившись на кровати и изображая спокойствие, вовремя вспомнила о камерах, я раскладывала процесс принятия крови сверхчеловеками на части, так было легче.

Илья настоящий командир боевиков, психолог, знающий людей. Именно сейчас я осознала, что стояло за словами Глеба о государстве в разрушении. Боевики, это не просто уни-

кальные физические способности, это ещё и знание человеческой психологии с определенной стороны. Страх, человеческий страх. Зная, как люди ведут себя в состоянии страха, особенно страха толпы, таким как Илья можно завоёвывать города и уничтожать их даже в одиночку. Он был совершенно спокоен, долго смотрел мне в глаза, ждал появления этого страха, страха перед взглядом сильного, страха ожидания неизвестного, страха страшного. А я, всё ещё в воспоминаниях своего сна и так вся дрожала, во мне была решимость, но не было уверенности в себе. Илья увидел этот мой страх, встал и практически навис надо мной, властно спросил:

– Ты точно этого хочешь?

Мне пришлось собрать остатки своей решимости, совсем маленькую горсточку, чтобы прошептать:

– Да, я хочу это видеть.

Неожиданно он улыбнулся и опять опустил на корточки, достал из внутреннего кармана пиджака пакет крови, обычный пакет, в который переливают кровь доноров, только в чёрном пластике.

– Подержи в руках.

Дрожащими пальцами я взяла пакет, он был тёплым и неожиданно плотным, не чувствовалось движения жидкости внутри.

– Там...

– Да, пакет усовершенствовал Самуил, в нём кровь сохраняется правильно, как будто сейчас переливают от человека.

Илья говорил кровь, а не пища, не уходил от этого слова, объяснял всё конкретно и на удивление это меня успокоило. Я понюхала пакет, от него пахло медициной, лабораторией Самуила, очень для меня знакомый запах.

– В момент получения крови весь наш организм реагирует, мы впитываем её практически всю в один момент. И становимся такими, какими на самом деле нас создала природа, или вирус, так тебе понятнее.

Протянул руку за пакетом, но я отдала его не сразу, спросила, поглаживая пальцами пакет:

– И этого пакета хватает тебе... насколько?

– Таким как я достаточно двух пакетов в день, но всё зависит от физической активности. Если в людях, то меньше.

Вспомнив объяснения Виктора, я кивнула и прошептала:

– Человек отдавая вам жизнь, отдает свою энергию.

– Да.

Но взгляд был очень удивлённым – он, как и Виктор, с людьми такие разговоры явно не вёл. Я протянула ему пакет.

То, что потом происходило, ввергло меня в шок. Илья отошёл от меня на край поляны, одним движением аккуратно надорвал его и медленно начал пить кровь. Лицо изменилось сразу: кожа натянулась так, что казалось, остался один череп, глаза стали огромными чёрными провалами. Во рту появились сначала два клыка, потом все зубы превратились в клыки, длинные острые клыки, на пальцах стали расти ког-

ти — я подумала, как у льва — и пакет выпал из этих, не рук, не знаю, как назвать то, во что превратились его пальцы. Мне даже показалось, что он стал выше ростом и крупнее. Илья пошёл на меня медленным, каким-то мягким кошачьим шагом, очень осторожным, не отрывая от меня провалов чёрных глаз. Он не пугал меня специально, просто показывал себя. Я превратилась в пень, на котором сидела — тот самый монстр из моего сна, большой, страшный, очень страшный. Глеб. И именно в тот момент, когда я подумала о нём, страх исчез, испарился. А я вдруг вспомнила поцелуи, как Глеб меня целовал, а у этого монстра не было губ, совсем, только огромный рот с клыками и стала рассматривать Илью как картинку, как тогда на экране, страшновато, конечно, но совсем не опасно. Он подошёл ко мне почти вплотную, но взгляд уже менялся, в глазах стала проявляться зелень, клыки уходили, как они туда помещаются обратно, непонятно, да и когти куда исчезают, тоже непонятно, наверное, под кожу. Двигаться я не могла и смотрела на него снизу вверх, все мышцы свело, но страха не было, только оцепенение. Мгновение — и передо мной уже стоял Илья. Он сел передо мной на корточки и внимательно рассматривал сантиметр за сантиметром моё лицо, потом осторожно взял за руку. Это движение привело моё тело в нормальное состояние, мышцы расслабились, и я смогла вздохнуть. Ещё немного сведёнными губами я прошептала:

— Спасибо.

Вот это да! Илья превратился в лемура – глаза увеличились до невероятных размеров, практически всё лицо стало двумя огромными глазами. Ему понадобилось примерно столько же времени прийти в чувство, сколько мне привести в нормальное состояние свой организм. Когда его глаза вернулись в обычные размеры, он помотал головой и произнёс:

– Ты настоящая жена командора. Я чувствовал твой страх, он был, но потом что-то произошло, ты успокоилась, твоё тело ещё боялось, а разум уже думал без страха.

Не буду же я ему рассказывать, что вспомнила поцелуи командора. Илья держал меня за руку и слушал, слушал ток моей крови, биение моего сердца.

– Ты человек и совсем не боишься меня. Тогда на берегу, ты сама решила выйти к нам, вышла к войскам, хотя не должна была. Ты выказала нам уважение, обращалась как к равным. Такое среди людей встречается очень редко, обычно страх застилает глаза всем. Или презрение.

– Презрение? Какое может быть презрение к вам? Я понимаю, мутанты отличаются физически, не всякий человек может это принять, но вы? Сильные, красивые, от людей ничем не отличаетесь, только той самой красотой и силой, какое может быть презрение?

– То, что ты видела сейчас.

– Ну и что, подумаешь, клыки и когти. Когда человек тебе дорог, тогда хоть какой, кривой, косой, глухой, не знаю, да идиотов всяких любят! По сравнению с ними твои клыки

улыбка Мадонны.

Илья не выдержал и рассмеялся, коснулся лбом моей руки. Но не позволил себе долго расслабляться, отпустил руку и встал.

– Жена командора, я доставлю тебя в дом.

А сейчас, изображая в постели спокойствие, я думала о том, как Глеб был прав, не показывая мне процесс. Может быть, я так держалась в доме именно потому, что никогда не было никакого намёка на кровь. И только теперь, когда моя любовь прошла уже самые разные испытания, и не только моя, но и Глеба, я могу понять и принять эти метаморфозы с их организмом при восстановлении. Это нельзя назвать приёмом пищи, это действительно восстановление функций организма. И в момент восстановления происходит физическое изменение, превращение в то существо, которое вирус или природа создала для самого удобного действия. Природа могла оставить им такую внешность, но сделала так, что после восстановления они меняются, превращаются в полную копию своих жертв. Абсолютная мимикрия. Они ничем не отличаются от людей, рост и красота всего лишь выделение на фоне общей массы, среди людей тоже встречаются высокие и красивые. Они не меняются столетиями, чуть взрослеют и только. Всего скорее, самые быстрые по времени изменения внешности происходят в первые десятилетия жизни, а потом они прекращают меняться, застывают в своей внешности на самом действенном возрасте. Глеб, получив

мою энергию, помолодел – сначала он выглядел на тридцать пять – сорок лет, теперь не больше тридцати пяти, и то, потому что командор, дома так совсем молодой.

Тяжело вздохнув, я опустила голову на подушку и стала гладить рукой соседнюю, на которой вот уже которую ночь лежала голова Глеба. Воюет где-то, спасает мир, людей от всяких Павлов, рискует собой, чтобы я спокойно спала в нашем доме, чтобы спокойно спали в тысячах своих домов обычные люди и не боялись ночных теней, приносящих ужас и смерть. Он спасает и тех, кто может принести счастье и радость им самим: Олегу, Виктору, Олафу и многим другим, кто готов понять и принять другой мир, в котором люди и они могут существовать рядом, понимать друг друга, любить друг друга. Слезы навернулись на глаза, и я начала всхлипывать, обняла его подушку и заплакала, горько, отчаянно, одиноко.

Утром, вся опухшая от слез, я долго не поднималась с постели и дождалась Самуила. Он робко постучал и зашёл в комнату даже чуть бочком.

– Катенька, доброе утро, девочка моя, пора уже вставать, как ты чувствуешь себя, мы с Олафом волнуемся. Может, ты в бассейн хочешь пойти поплавать, так можно, иди, искупайся, а потом и завтракать пора. Ты не волнуйся, Глеб звонил ночью, у них всё хорошо, всё идет как должно. Глеб всё делает правильно, ты же знаешь, он такой.

Самуил тяжело вздохнул, осторожно сел на краешек кро-

вати, погладил одеяло.

– Ты так плакала ночью.

– Я больше не буду плакать, не волнуйся Самуил, а сейчас пойду плавать.

– Катенька, ты... как спала?

– Хорошо, монстра больше нет.

– Да, Олаф мне сказал, что ты вчера... Катенька, девочка моя, Глеб ведь прав, зачем тебе это видеть, он не хотел тебя собой пугать...

– Я знаю. Он прав, Самуил, он во всём прав, но это я, понимаешь, раз появился монстр, то значит, мне надо было с собой разобраться. Это не Глеб, это я, и теперь нет монстра в моём сне. Самуил, ты знаешь, ты всегда был со мной рядом, спасал всё время, я никогда не думала, что Глеб – монстр, и Олег, и Виктор.

– Конечно, Катенька, конечно, ты так всегда с ними, как с людьми, они так все удивлялись тебе, как ты их за людей принимаешь, знаешь всё и как к людям относишься, любишь всех. А Глеб как, Катенька, как он переживал, что ты вот так его, а когда показал, то ужас! Я не знал, что делать, так он переживал, что ты сразу от него отвернёшься, испугаешься его такого. А теперь как, что будет, он, как узнал, не знаю, что теперь будет...

– А ничего не будет, не будет монстра в моём сне, а это главное. Самуил, я люблю Глеба, какой бы он ни был.

Встала на кровати и крикнула:

– Глеб, учти, если что, я и с клыками научусь с тобой целоваться!

Самуил сначала замер от моих слов, потом улыбнулся умильно, всё хорошо, вот вернётся Глеб с войны и всё будет в доме хорошо.

После бассейна и завтрака я заявила Олафу, молчаливо сидевшему на диване, что пойду гулять в сад, одна. Он лишь пожал плечами, чувствовала я себя хорошо, а уж куда пошла гулять под таким бдительным надзором боевиков, то это моё дело.

А мне нужно было лишь убедиться, что Илья жив после своего отчета Глебу о моем очередном проступке. Все-таки я понимала, что одно дело я, мне многое может проститься, другое – боевик, его подчиненный, а законы в их мире таковы, что реакция может быть самой для меня неожиданной.

Выйдя на крыльцо и улыбнувшись солнцу, я позвала:
– Илья.

Он почти сразу появился на ступеньках, значительно ниже, так, чтобы я могла на него смотреть почти вровень.

– Приветствую тебя, жена командора.

Ни намёка на улыбку, строгое лицо и внимательный взгляд.

– Доброе утро, Илья. Я лишь хотела узнать, как отчёт Глебу, я ему вчера объяснила свой поступок и сказала, что ты сдался только под пытками.

Тень улыбки промелькнула на лице Ильи, и чуть поменя-

лась зелень в глазах.

– Я представил командору полный отчёт о нашем разговоре.

– И что он тебе сказал? Илья, я волнуюсь лишь о том, чтобы ты не пострадал от моего поведения.

Илья удивился моим словам, но сдержался, лишь приподнял брови, сказал чётким голосом:

– Командор принял мой отчёт.

– И что? Он был недоволен тобой?

– Ты жена командора, твои поступки не обсуждаются.

Всё понятно, что бы ему ни сказал Глеб, Илья мне рассказывать не будет. Ну и ладно, жив, командир, судя по тому, что сразу появился на мой зов, уже хорошо. Я хотела попросить его прогуляться со мной по саду, но неожиданно оказалась в прихожей и услышала голос Ильи:

– Лея! Идут!

Хлопнула дверь и никого. Я стояла в недоумении – куда он делся, и кто идёт? Появилась Лея, схватила меня на руки, и я оказалась в комнате-сейфе. Ничего не сказав, Лея исчезла. Теперь я стояла в недоумении уже в сейфе. Дверь открылась, и практически влетел Самуил, его видимо, просто закинули в комнату. Мы посмотрели друг на друга, я хотела его спросить, что случилось, но по глазам поняла, что он тоже ничего не понял.

– Катенька, а что... Лея меня зачем-то сюда принесла, а ты как...

– Так же, только я с Ильей на крыльце стояла, вдруг он меня... он сказал, что кто-то идёт, кто идёт?

Самуил страшно побледнел и тяжело опустился на пуфик. И я, наконец, поняла – раз Глеб против акции, то на его дом обязательно должны напасть, я его ахиллесова пята, самое больное место. От ужаса я тоже тяжело опустилась на диван. Ужас был не за себя, за тех, кто остался за стенами этой комнаты-сейфа. Вся в своих переживаниях, тоске и осознании сущности обитателей дома, я совсем не думала о возможности нападения. Я настолько привыкла ощущать себя в полной безопасности в этом доме, к тому, что на Глеба никто и никогда уже не посмеет напасть, даже представить не могла, что это снова произойдёт. Медленными движениями я сняла пальто, аккуратно сложила его, достала сигареты и закурила. Глеб не мог оставить нас без защиты, явно он что-то предпринял, а сейф для нашего успокоения, моего и Самуила. Андрей говорил, что стена бассейна выдерживает прямой ракетный удар, все комнаты закрываются, как-то блокируются. Поселившись в этом доме со мной, Глеб должен был построить его так, чтобы никто и никогда не мог его захватить. И такие как Илья в охране, состоящей из боевиков, которые государство в разрушении.

Голос меня не слушался, и мне пришлось долго откашливаться, прежде чем я смогла спросить Самуила:

– А где Олаф, ты его не видел?

– Я был в лаборатории, а он... не знаю, как ты ушла гу-

лять, он сразу стал кому-то звонить. Катенька, всё будет хорошо, Глеб всё продумал, Олаф там, Лея уже тоже как Андрей, он ей всё показал по защите дома, ну, с разрешения Глеба, пока ты лежала, болела. Андрей всё ей показал, как стало известно, что акция скоро и все уедут. Олег с Виктором сразу уехали, а потом оказалось, что и Аарон уже уехал, а Глеб с Андреем последние, Глеб всё ждал, когда тебе лучше станет, он всех поднял кто с ним. Здесь много было глав кланов, не в доме, конечно, он с ними где-то рядом встречался, далеко не уезжал... Катенька, здесь такой штаб был, ужас, а ты лежишь, глаза открыты, температура как в вулкане и молчишь, совсем молчишь. И не узнавала никого, ты иногда звала Глеба, а сама на него смотришь и зовёшь, не узнавала совсем, и на нас смотрела, как на чужих. Глеб почернел весь, держит тебя за руку, а ты руку вырываешь и зовешь его, будто и не он тебя за руку держит.

Самуил тяжело вздохнул, покачал головой.

– Катенька, он тебя любит, он для тебя всё, защитит от всего, он всё продумал, у него всё всегда продумано, ты не бойся.

– Я не боюсь.

На самом деле страха за себя не было, у Глеба всегда всё продумано, в этот сейф, да и в дом тоже вряд ли кто-то войдёт, я боялась за них. За Глеба, Андрея, Олега, Виктора, Лею, Илью, Олафа. И тех боевиков, которые будут бороться за наши жизни, отдавая свои.

Прошло уже несколько часов, а за нами так никто и не приходил. Самуил волновался громко, говорил и говорил от волнения. А я совершенно успокоилась, пройдясь по комнате, нашла маленькую дверцу и за ней оказались кухня и ванная, продуктов на годы в консервированном виде, Глеб продумал даже вариант многодневного нашего сидения в сейфе. Значит, просто ждать. Я сжалась в комочек на диване и запела о тёмно-вишневой шали. Самуил сразу замолчал, присел на пуфик и закрыл лицо руками, так и просидел, пока я пела песни, некоторые даже по два раза.

Меня разбудила Лея, Самуила уже не было в комнате, видимо, он ушёл сразу, как только открыли дверь.

– Всё закончилось?

– Да.

Но это «да» прозвучало так грустно, так не похоже на радостное освобождение и победу над врагами, что я вздрогнула.

– Лея, скажи.

– Их было очень много и чужие.

Она замолчала и странно посмотрела на меня.

– Илья?

– У него сильные повреждения, Самуил им занимается. Из боевиков немногие выжили, некоторые воспитанники Олафа тоже погибли.

– Воспитанники Олафа? А что они здесь делали?

– Они стояли на дальних подступах к дому, это они пе-

редали, что идут наёмники, и сразу вступили в бой, но силы были неравны. Катя, не волнуйся, прибыла новая охрана, они сразу вступили в бой и спасли оставшихся.

Лея тяжело вздохнула и повторила:

– Их оказалось слишком много, и они чужие.

– Чужие, это как, из другого государства?

– Новая генетическая формация.

– Лея, значит, у Павла получилось?

– Не знаю, может, не у него, он не должен был успеть, эти взрослые, очень сильные. Но Илья и его боевики удержали, к дому чужие даже подойти не смогли.

– А Вердо?

– Его Илья ещё вчера в дом привёл, сейчас он Самуилу помогает. Олаф тоже в доме, сюда привезли всех оставшихся в живых его воспитанников.

– Пошли, надо помочь им.

Мой порыв встать Лея остановила мягким движением руки:

– Нельзя.

– Нельзя что?

– Глеб тебе запретил выходить из комнаты, ты остаёшься здесь.

– Как это?!

– Катя, приказ командора.

– Я не останусь здесь, вы будете там...

– Катя, в доме есть кому помогать и Самуилу, и Олафу,

крови достаточно, хватит всем. Пойми, они шли за тобой, не убивать – забрать с собой. Тебя не должны видеть, они не знают где ты, нападения были на все дома Глеба, Андрей увёз туда твоих двойников. Никто не знает, когда нападение может повториться.

Я так и замерла, значит и акцию запланировали, чтобы меня забрать. Когда в доме находился Глеб, сделать это было невозможно, а сейчас остались одни боевики, которым сложно с этими модифицированными бороться. С ужасом я посмотрела на Лею:

– Во всех домах погибли наши боевики?

Она только кивнула, но потом улыбнулась:

– Они уничтожили почти всех нападавших чужих, ушли немногие.

– Лея, но я же могу чем-нибудь помочь, как я буду здесь просто сидеть и ждать, вдруг ещё что-нибудь случится? А Нора, как там Нора?

– Её спрятали, и она им не нужна, нужна только ты.

– Хорошо, я останусь здесь.

Лея едва коснулась моей руки, и я поразилась, она мгновенно оценила состояние моего организма, я это не почувствовала, поняла по её поразительным глазам. И эта удивительная девушка уже начальник охраны дома, спокойная, уверенная в себе. Я только вздохнула, и это всё из-за меня, сразу стало грустно и тяжело.

– Катя, я буду к тебе заходить и докладывать.

Ага, а я начальник штаба в сейфе, смешно, но вежливо кивнула. Лея ушла, есть мне не хотелось, курить тоже и я просто улеглась на диване. Думать запретила сразу, ни к чему хорошему это не приведёт, только начну рыдать. Досчитала до тысячи, но сон не шёл, я начала считать заново и заплакала на второй сотне.

– Глупышка, нашла, чем заниматься в таком прекрасном месте!

Я кинулась Виктору на руки и рыдала уже на его плече.

– Поплачь, поплачь, я потом пиджак повешу за стекло, и буду гордиться сотни лет – на нём рыдала сама Катерина! Если мне раньше Глеб этим пиджаком шею не свернёт. Катя, всё хорошо, мы победили, ну почти победили, осталось только пленных собрать, да Глеб ещё некоторым головы оторвёт в назидание.

– Виктор, Виктор, я... я... они все из-за меня... а я такая...

– Удивительная глупышка, ты плачь, плачь, пятно на моём пиджаке ещё не очень большое, высохнет, не так видно будет.

– Виктор, мне так... Илья там весь раненный, боевики погибли, даже ещё не знаю что, а эти воспитанники Олафа, они тоже, а они совсем...

– Ага, невинные такие овечки, ты их видела, этих овечек? Да они рвали этих как тузик грелку, почти никого не осталось, так мелочёвка сбежала, ничего – мои мальчишки их поймают, не переживай. А Илья, что ему сделается, заживёт,

на мне вот заживает, сама видела, на нём тоже заживёт. Я ещё с ним поговорю, потом тоже заживать будет.

– Ты его не обижай, это я, я его заставила, он ведь не смог жене командора отказать...

– Катя, я, конечно, знаю, как ты пытаться можешь жестоко, невыносимо, но ... я поговорю.

– Виктор!

– Да не переживай ты за него, тоже мне страдалец, подумаешь – герой.

– Как я рада тебя видеть, я так соскучилась!

– Ну, наконец, а то всё Илья да Илья! Всё, намок уже пиджак, не рыдай больше, хватит.

Он сел на диван, усадил меня на колени, потом смутился, но я обняла его за шею и опять заплакала.

– Ну вот, ты что, за всё время собрала, на меня решила всю лавину вылить? Глебу хоть немного оставь.

– А...

– Скоро будет, они с Олегом... ещё немного задержатся, а я тут близко обитал, мне и говорят, возвращайся, мы сами справимся.

– А Андрей?

– Он дома остальные проверяет, вдруг что порушили, как он перед тобой отчитываться потом будет? Всё-таки твоё приданое, ты поедешь смотреть, а там развалины, надо сразу ремонтировать.

Виктор шутил, поглаживая меня по голове, а я прижима-

лась к нему и только всхлипывала, сразу поняла, что он оказался физически ближе, и Глеб послал его меня спасать. Наконец, я успокоилась и спросила:

– Мне долго ещё в сейфе сидеть?

– Пару дней, я пока тут побегаю немного, чтобы тебя не задел ты тут и посиди.

Я кивнула головой – посижу.

– Катя, ты не рвись пока наружу, хорошо?

– Не буду, я буду сидеть тихо-тихо.

Конечно же не поверил, с сомнением посмотрел на меня, но я подняла на него совершенно честные глаза, и он только хмыкнул.

– Ты расскажи мне, что это за модифицированные, Павел успел?

– Нет, это что-то другое, но сильные, очень сильные, даже не совсем понятно, как с ними боевики Ильи справлялись. Ты случайно флагом с крыши не махала? Ты можешь, я знаю.

– Не махала, Илья меня закинул в дом, а Лея потом в сейф и всё, так и сидели с Самуилом.

– Песни пела?

– Пела, всё подряд, даже по два раза.

– Жаль здесь запись не ведётся.

– Я вам потом спою, вот соберётесь все и спою.

Виктор помолчал, опустив глаза, потом тихо сказал:

– Твоё стихотворение Глеб нам показал, спасибо.

– Виктор, я вам потом его спою, это песня, я только петь

её не могла, голоса не было.

Вошла Лея и вопросительно посмотрела на Виктора, тот сразу стал серьёзным, но с колен меня не отпустил.

– Говори.

– Идут.

Мягко опустив меня на диван, Виктор спокойно сказал, чуть улыбнувшись:

– Поспи красавица, я побегаю немного, разомнусь.

И исчезли оба, я опять осталась одна. Но мне уже стало значительно спокойнее, Лея молодец, она стала настоящим боевиком, сильной и быстрой, Самуил говорил. А Виктор не только танцевать с мечом умеет, если Илья смог с ними бороться, значит, не так уж они и непобедимы. Я приготовилась ждать, устроилась на диване и сразу уснула.

Меня разбудил Самуил, он тихонько с кем-то разговаривал, но не удерживался на шёпоте, иногда говорил от возмущения громче, и я проснулась.

– Катенька, вот и хорошо, что ты проснулась, надо идти завтракать, Вердо там что-то такое вкусное приготовил, но без тебя мне не даёт.

– Катя, вставай, я уже три раза зарядку сделал, а ты все спишь, бассейн стынет.

– А уже можно?

– Всё можно, девочка моя, всё можно, и купаться можно, и кушать можно, ты тут совсем не ела, а уже два дня сидишь, опять тебе режим восстанавливать.

– Два дня?

Виктор только руками взмахнул:

– Да ты сутки спала, я же говорю, бассейн стынет!

Он нёс меня медленно, чтобы я убедилась, что всё в доме нормально, ничего не порушено, окна целы, двери на месте. Как хорошо попасть в свою комнату, надеть купальник и халат, посмотреть на беседку. В дверь постучали, и вошёл Виктор.

– Катя, Самуил уже поедает твои пирожки, а ещё бассейн, ничего с садом не случилось, мы их на подступах встретили, а там уже не наша территория. По телевизору сказали, что торнадо прошёл, и пострадали фруктовые сады, виноградники, поэтому – быстро плавать и есть пирожки, а то, когда ещё вырастет, придётся за границей закупать.

– Скажи, их совсем...

– Совсем, совсем, отдельных оставшихся вылавливают. Глеб политикой с Олегом занимаются, мозги вправляют. Я бы таких умников... Павел пацан по сравнению с ними, мирового господства захотели.

Хитро на меня посмотрел, улыбнулся и заявил грозным голосом:

– А не хватало им только тебя.

– Меня? Да я же только для Глеба, как они этого не поймут.

– Этого уже никому не доказать, кто же поверит, если Глеб такой красавец и ты красавица, оба молодеете, и ты жива.

Сникнув, даже плечи опустились, я посмотрела на Виктора обречённо:

– И что, теперь мне всегда в сейфе жить?

– Глеб не позволит, да и тебе скучно будет. А песни ты тоже из сейфа петь будешь? Катя, там сейчас такой разбор идёт, столько голов уже полетело и ещё полетит, что им сто лет потребуется, чтобы хоть часть кланов восстановить. Двести лет можешь жить спокойно. А там Глеб пострижет газон заранее, ещё лет на триста хватит.

– Ну и хорошо, а это надолго, Глебу политикой заниматься?

– Да не очень, скоро вернётся, сама понимаешь, мы не люди, долго не разговариваем. Он слово скажет и посмотрит, поняли – хорошо, не поняли... тоже хорошо.

Ну да, всё решается быстро, зависит от того, как правильно поняли. Виктор ослепительно улыбнулся и подхватил меня на руки:

– Давай уже мокни, Самуил все пирожки съест!

Как всё вкусно, всё, и суп, Вердо решил, что мне после двухдневного голодания на завтрак суп больше всего подходит, и пирожки. Всё, конечно, съесть я не могла, но попробовала с удовольствием. Самуил помогал мне и тоже качал головой от вкусности. Виктор с Олафом только умильно улыбались, вот и хорошо, кушает девочка, значит, будет здорова к приезду командора.

Я долго приставала к Виктору, чтобы он мне рассказал, как происходила оборона дома, Лея сразу отказалась, мол, она всего лишь следила за мониторами, в бою не участвовала. Виктор хмыкнул, странно на неё посмотрел, но ничего не сказал. Пришлось самому отдуваться.

– Катя, как я тебе смогу рассказать, если ты наши движения даже не видишь? Ну, прыгнул, ну... в общем всех поймали.

– Виктор! Я же не прошу, чтобы ты мне показывал, просто расскажи. Сколько их было всего, кто их подготовил и направили, понятно, что акцию придумали, чтобы Глеба и вас из дома выманить, меня он всё равно с собой бы не взял.

Виктор удивлённо на меня посмотрел.

– Догадалась, молодец. Может, ты у нас политикой займёшься? Ой, что сказал, надеюсь, Глеб эту запись смотреть не будет. Катя, всё правильно, они для этого акцию и объявили, знали, что Глеб обязательно вяжется, людей бросится защищать. Одно не поняли, что Глеб и защиту тебя организует так, что у них не будет шансов до тебя добраться. Ты сама понимаешь, в дом бы они никак не смогли зайти, а боевики, что ж, это их работа, они и должны были чужих уничтожить, с задачей своей они справились. Да и ученики Олафа многое смогли сделать, для них это полезно, свои свойства не просто изучать, а и в действии испытывать, настоя-

щем. В бою.

Да, это такой мир, желание Олафа только изучать своих воспитанников разбивается о необходимость просто их защитить, в этом Виктор прав. Прав и в том, что, однажды проявив свои способности в бою, они будут сами к себе относиться иначе, более ответственно. Виктор чмокнул губами и изрёк:

– Пожалуй, некоторых я бы подготовил, способности интересные, только умения нет. А что, представляешь, Катя, летающий боевик, плюющийся огнем?

И захохотал, видимо, представил в красках, я тоже рассмеелась, шутник. Но в обед, Самуил заставил меня лежать, даже Лею приставил, чтобы она следила за моим постельным режимом, я неожиданно услышала, как Виктор очень серьёзно обсуждает с Олафом кого из его воспитанников он возьмёт в свой клан по подготовке боевиков. И тот был согласен, случай с нападением произвёл на него очень сильное впечатление, оно отличалось от предыдущих, чужие оказались необычайно сильны и Олаф решил быть готовым к возможным нападениям, заодно лучше узнать способности самих учеников. На том и договорились, осталось дожидаться приезда Глеба, чтобы получить согласие командора.

– Да, Виктор, ты прав, кто мог подумать, что Лея превратится в настоящего боевика, такая хрупкая девочка, не очень сильный мутант и вдруг такие способности. Самуил сотворил чудо.

– Почему Самуил, это Катерина сотворила, она коснется кого-нибудь своей ручкой, посмотрит ласково и всё – боевик готов.

– Виктор, что ты говоришь! Я не хотела, чтобы Лея стала боевиком, такой голос, такая красота и вдруг – боевик, это так... несправедливо.

– Катя, это самое справедливое в нашем мире, она стала боевиком и может защитить тебя, ту, которая её спасла и сделала её такой... поющим боевиком.

И опять засмеялся радостно, потом подмигнул Олафу.

– Лея так охрану дома организовала, Андрей, пожалуй, сильно удивится. Она такое вытворяла с этими чужими, даже я удивлялся, как посмотрел записи, и когда успела такому научиться? Катя, ты даже не спрашивай, что она придумала, на пальцах это не объяснить, а словами ты не поймёшь.

Нахал, ничем его не пробрать, но удивлён сильно, по тону чувствуется. Молодец, Лея, какая молодец, вот Андрюша будет доволен. Олаф внимательно на меня посмотрел, понял мои мысли, конечно, я рада за Андрюшу, какая они восхитительная пара.

– Виктор, а что с Ильей?

– А что с ним делается, гоняет своих новых боевиков, тренирует.

Значит, восстановился, и я облегчённо вздохнула.

– Катя, да Самуил как его части собрал, проводами зашил, так он сразу и побежал снова тебя защищать.

Олаф засмеялся, покачал головой, точно проводами, как ещё назвать то, чем их Самуил зашивает.

Мы не говорили о том, что я увидела, как они питаются, ни намёка, кроме фразы Виктора, что он поговорит с Ильей. Как будто ничего не произошло, обычные разговоры в ожидании командора из командировки. И я была рада этому, увидела и увидела, не так уж и страшно, зато монстра больше нет, нет страха, нет монстра. Я закурила и предложила всем прогуляться по саду. Олаф переглянулся с Виктором, опять что-то не просто, уже готова была отказаться от своей идеи, но Виктор вдруг согласился:

– Прогуляемся, к Вердо заглянем, тебе вкусностей наберём.

На улице светило яркое солнце, озеро отливало такими яркими бликами, что я зажмурилась, когда открыла глаза, увидела рядом Илью.

– Приветствую тебя, жена командора.

Совершенно такой, как был: никаких изменений, даже проволоки не видно, яркие зелёные глаза с лёгкой искринкой где-то в глубине, серьёзное лицо, и ни одного шрама.

– Здравствуй, Илья.

Виктор сделал лицо и спросил:

– Как новые боевики?

– Тренируются.

– Свободен.

Илья чуть наклонил голову и исчез. Я гневно посмотре-

ла на Виктора, поговорить не дал, тот только пожал плечами – а чего с обычными боевиками обсуждать? Улыбнулся ослепительно, подхватил меня на руки и перенёс к домику Вердо. Он уже стоял на крыльце, несколько боевиков стояли чуть поодаль, продолжали охранять, интересно кого, его или меня от него? Хотя с Виктором чего меня охранять? Будем считать, что просто тренируются. Вердо улыбнулся и жестом пригласил войти в дом. Виктор что-то сказал и Вердо сразу помрачнел, кивнул и зашёл в дом.

– Виктор, что ты ему такое сказал?

– Что мы не будем заходить, пусть выносит еду сюда.

– Почему? Я бы...

– Катя, мы не будем заходить.

Вспомнив приступ ревности Глеба, я согласилась, покорно кивнула головой, чем вызвала недоумённый взгляд Виктора, приготовившегося к длительной осаде. Вердо вынес большую корзину, прикрытую куском холста, подошёл боевик и взял её у него из рук. Я улыбнулась Вердо, поблагодарила его, и он улыбнулся облегчённо, понял, что это не я на него обижаюсь за что-то, это решение Виктора. Он подошёл к боевику с корзиной, вставшему рядом с нами, достал из корзины гигантскую тёмную бутыль с какой-то жидкостью и долго что-то объяснял Виктору, а тот неожиданно спокойно слушал и лишь кивал головой. Неужели вино? От одной мысли о вине мне стало нехорошо, перехожу на трезвый образ жизни, временно, конечно. Вердо ещё раз мне улыбнул-

ся, посмотрел на Виктора, что-то спросил, чем вызвал недовольный, но все же кивок головы. Вердо протянул мне руку, и я положила свою руку в его широкую ладонь. Она оказалась тёплой и на удивление мягкой. Вердо неожиданно посмотрел мне в глаза, пронзительно, как будто взглядом увидел всю с ног до головы. Потом улыбнулся и поцеловал мою руку, вернее попытался, Виктор отодвинулся, и мои пальцы просто выскользнули из ладони Вердо.

Уже на ступеньках крыльца дома, когда Виктор опустил меня с рук, я спросила:

– Вы ему так не доверяете, я имею в виду Вердо? Он же помогает мне, травы всякие, еда удивительная, Олаф говорит, что там сила, она меня защищает.

– Катя, мы ему не доверяем тебя. Ты человек, человеческая женщина, а история с Сельмой показала...

– Он не Сельма, у него нет своего личного интереса.

– Откуда ты знаешь?

– Да какой может быть интерес ко мне у Вердо?

– Обычный мужской.

– Виктор, а столбы не забыли?

– Какие столбы?

– Понимаешь, столб тоже мужского рода.

Ещё хотела добавить, что и он тоже мужчина, значит, Глеб может ревновать и его, подняла на него взгляд и осеклась, увидела глаза Виктора. Они были такие тоскливые, прозрачные от этой тоски и уголки губ опущены, как будто он го-

тов заплакать. Это была тоска мужчины, осознавшего, что он одинок без женщины, не конкретно без меня, вообще без женщины, которая бы ждала его у окна. А я оказалась той, которая эту тоску разбудила. Он не ревновал меня к Вердо как к мужчине, на самом деле просто хотел быть со мной наедине, он, Виктор, не боевик ближнего круга, охраняющий жену командора, а Виктор с Катериной, с которой ему хорошо и хочется быть рядом. С Катериной, которая олицетворяет для него дом и семью, которых у него никогда не было. Я прижалась к нему и тихо сказала:

– Виктор, вы для меня единственные навсегда, ты, Олег, Андрюша, Самуил. Кто бы ни появился новый, ему уже никогда не стать вами, никогда. Ни с кем мне не будет так спокойно и хорошо, как с вами. Вердо, он просто Вердо, он хороший, помогает мне, но он никогда не будет Виктором, понимаешь, никогда.

В качестве примирения я подергала его за руку, уткнулась лбом ему где-то на уровне груди. Он вздохнул, осторожно тронул меня за плечи.

– Катя, ты мою жизнь так изменила, ты не поймёшь никогда, как изменила.

– Я могу, я знаю, ты столько всего от меня натерпелся, удивительно, как только смог.

– Ага, никогда не знал, что ты ещё умудришься выкинуть, мы утро ждали всегда, когда ты проснёшься.

– Цирк ждали?

– Домашний, никуда ехать не надо и бесплатно.

Мы рассмеялись, и я предложила ещё прогуляться, только сначала выяснить, что в корзинке, вдруг пирожки.

– Кстати, а что Вердо тебе говорил о содержимом этой бутылки?

Виктор как раз её доставал. Пирожков не оказалось, но был вкусный хлеб и ветчина, нарезанная на тонюсенькие полоски, я сразу отломала кусок хлеба и сделала себе бутерброд.

– В бутылке осеннее вино, молодое ещё, сказал, что оно как сок виноградный, тебе очень полезно. Подожди жевать, Олаф ещё должен всё посмотреть.

– Ничего, всё вкусно и полезно для моего организма. Вот вино пусть и проверяет.

Я пыталась сесть на ступеньки, зажевать бутерброд, Виктор вздохнул – снял свой пиджак и постелил.

– Присаживайся, жена командора.

– Слушай, а давай пойдём в беседку, возьмем корзинку и...

– Не получится, уже вечер, скоро будет холодно, ещё весна, жуй свой кусок здесь. И помни – ужинать тебя Самуил всё равно заставит.

Сидит рядом и улыбается, внимательно наблюдает, как я ем. Но взгляд неожиданно изменился, и Виктор отвернулся, спрятал от меня глаза. Доев свой бутерброд, я отряхнула руки и прислонила голову к его плечу.

– Ты не переживай, ничего страшного в вашем питании нет, я теперь видела и уже не боюсь.

– Катя, как мне теперь смотреть тебе в глаза?

– А как мне смотреть тебе в глаза, если я одна у тебя на глазах зажевала бутерброд и не поделилась?

Виктор обернулся на меня и его глаза стали постепенно обычными, пронзительными. Я улыбнулась ему:

– Виктор, пойми, я всегда знала, что поддерживает в вас жизнь. Теперь я знаю, как ты выглядишь в гневе – впечатляет, но не пугает, совсем не пугает.

Он смотрел на меня и не поддавался на мои слова, выражение лица не изменилось, оставалось каким-то безнадежным, как у Глеба. Осталось последнее средство, жестокое, но действенное.

– Скажи, что для тебя важнее во мне – кровь или моя вредность?

Всё, что угодно, но не такого сравнения ожидал Виктор. Он замер, задумался, даже нос потер, открыл рот ответить, но снова закрыл. Я внимательно на него смотрела, даже кончик языка высунула от внимательности, наблюдая за его мыслительными мучениями. Придётся помочь принять решение:

– Если...

– Вредность.

– И чего ты переживаешь? Я вас не боялась тогда, не боюсь и сейчас. Ты мне однажды сказал, что тебя поразило,

как я бросилась к тебе дать своей крови, чтобы спасти тогда, у Аарона, почему ты удивляешься сейчас? Я лишь увидела процесс, ну и что, я просто его знаю и всё. Кровь для вас – это лекарство, которое дают вам люди, доноры.

Я погладила его по руке, он тяжело вздохнул, закрыл мою руку своей ладонью.

– Вот ты мне отдавал свою энергию, когда я умирала, ты был готов отдать всю?

– Катя, как ты можешь сравнивать...

– Могу, ты тогда был готов за меня умереть, почему я должна от тебя отвернуться только из-за того, что ты так оригинально меняешься во время еды?

– Оригинально?

– Ну да. Виктор, я вас не боюсь, понимаешь, я так рада была тебя увидеть, ты пришёл, и все стало ясно, спокойно. Так спокойно, что я целые сутки спала.

– Катенька, как ты можешь сидеть на холодной ступеньке, Виктор, ты сошёл с ума, она простынет, кашлять будет, только была температура, а ты на холодной ступеньке сидишь! Приедет Глеб, что я ему скажу? Катя, немедленно вставай, каменная ступенька!

– Самуил, там пиджак Виктора, и вообще весна, тепло на улице.

– Немедленно ужинать! Ходишь голодная, совсем за собой не следишь, и вообще, пора тебя обследовать!

– Нет!

– Катя, а Самуил прав, надо тебя на пару дней к нему в лабораторию поместить, всю проводками завесить, все дела успеем переделать, ой, ой, Самуил, спасай!

Я стукнула Виктора по плечу, он сделал вид, что ему стало больно и стал ойкать, вскочил, подхватил меня на руки и перенёс в комнату. Встал рядом со мной, поцеловал руку.

– Ты удивительная.

И исчез. А я грустно осталась стоять посередине комнаты. Появление Виктора очень обрадовало меня, мне всегда с ним было очень легко, весело и интересно, но я каждую минуту ждала Глеба. Тоска стала такой острой с появлением Виктора, что в какой-то момент мне стало трудно на него смотреть. Он так искренне относится ко мне, да и я к нему, но тоска по Глебу давила на меня всё сильнее. Ноги меня не держали, и я так и опустилась на пол, уже готова была заплакать. Ведь всего прошло несколько дней, один из них я благополучно проспала, но страх за него, волнение нападения, всё это только усиливало тоску. Я разговаривала, шутила, ела, гуляла, но каждое мгновение ждала.

– Катя, он скоро вернётся, девочка моя, он командор, у него дела. Он тебя защищает, он нас всех защищает, а ты его любимая женщина, он думает о тебе каждую минуту, скучает.

Самуил гладил меня по голове, как ребёнка, прижимал к себе, пытался успокоить. Слез у меня не было, только тоска.

– Я знаю, Самуил, я всё понимаю и жду.

– Ты не знаешь, как он на тебя смотрел на мониторе, когда ты на него сердилась, или спала, он тогда совсем не командор. Я его таким никогда не видел раньше, он такой стал с тобой, совсем, он никак поверить не мог, что ты его полюбить сможешь, с тобой чего только не было, а ты каждый раз на любви своей... ты такая сильная.

Он тяжело вздохнул и опустил глаза.

– Я ему позвонил и сказал, что ты правильно сделала, что сама всё увидела, ты сильная, тебя этим не напугать и им не надо этого бояться. Они этого при тебе никогда не сделают, но хорошо, что ты теперь знаешь, правильно. Илья умный, он тебя понял, а ты с Глебом поговоришь, он тебя поймёт, он всегда тебя понимает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.